

Сергей Матросов

ЛОВЕЦ СНОВ

рассказы

Сергей Матросов

Ловец снов

«Издательские решения»

Матросов С.

Ловец снов / С. Матросов — «Издательские решения»,

У шаманов Алтая есть такое понятие, как «река жизни». Эта «река жизни» имеет три глубины. Первая глубина — это реальность, которая нас окружает. То есть наш реальный мир. Вторая — действительность, которая прячется за реальностью. Иначе это можно назвать наукой. И третья — это то, что есть на самом деле, рационально недоступно. Иными словами то, что существует, но не имеет объяснения. Вот о этой третьей глубине и идёт речь в этих рассказах.

© Матросов С.

© Издательские решения

Содержание

Путешествие в междумирье	6
Ловец снов	9
1	9
2	13
3	19
4	27
5	40
Капкан для Хозяина	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ловец снов
рассказы
Сергей Матросов

© Сергей Матросов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие в междумирье

Поистине существует семь завес света и тьмы, скрывающих Господа. Если бы Он позволил поднять эти завесы, свет величия Его лика истребил бы, стёр с лица, земли всё живое.

Исламский хадис (предание)

Так устроена физиология человека, что он вынужден ежедневно, ежесуточно повторять определённые, обыденные процедуры, не задумываясь над тем, почему это происходит, а главное кому это нужно. Ответ и так очевиден – так надо, так поступают все и, наконец, без этого жить просто невозможно. Невозможно не принимать ежедневно пищу, потому, что без оной мы невосполним свой энергобаланс и у нас не будет сил для нормальной человеческой деятельности. Невозможно не спать и не давать отдыха уставшему организму. Без сна человек может прожить всего лишь несколько суток, а потом умрёт. На первый взгляд элементарные вещи, к которым люди давно привыкли и в большинстве своём не обременяют себя вопросами: «Почему происходит всё именно так, а не иначе? Кому собственно это нужно и зачем? Что стоит за такой строгой дисциплиной?». Но ведь есть и те, кто спрашивает и пытается найти ответы на столь, казалось бы, обыденные и простые вопросы. Не всё так просто, господа, хотя это всего лишь моё личное мнение.

День, наполненный повседневной суетой, закончился как всегда быстро, от чего в голове образовалась некоторая суматоха из мыслей, обычная мышечная усталость и непреодолимое желание скорее лечь в постель и отключиться от реального мира, щёлкнув напоследок клавишей пластикового выключателя. Погасший свет обычной лампочки тут же переносит тебя из мира, наполненного вполне разумными житейскими законами, в мир нереальности, где эти законы совершенно не работают. Это мир изменённого сознания, в котором тебе предстоит провести некоторое время. Этот мир очень похож на квантовый. Именно этот мир называется страной чудес. При переходе в этот мир все жёсткие объекты теряют форму, расплываются и исчезают. Время в некотором смысле вообще отсутствует. Вернее, время не просто не существует, а оно теряет смысл потому, что отсутствуют причинно-следственные связи. Просчитать, когда произойдёт первая визуализация образов или, просто говоря, увидеть свой первый сон, не представляется возможным по той же причине. Вы хоть раз во сне пытались взглянуть на наручные часы и отметить, таким образом, его наступление или продолжительность? Вряд ли. Это не в наших силах. Как собственно не в наших силах изменить сам ход сна. Учёные говорят, что сны вызываются остаточными электростатическими полями, накопленными в нашем мозгу, и мы с вами видим результат так называемого скольжения по этим полям. Потому-то сами сны не связные, обрывочные и практически не запоминаются в результате стирания или исчезновения этих самых полей. Вполне возможно, но как тогда объяснить те устойчиво-цветные и вполне реальные сны, про которые говорят: «как наяву»? Более того, «скользя» по таким снам получаешь удовольствие от самого бытия. Память порой возвращает тебя в то время, когда ты был ещё совсем маленьким или, наоборот, показывает картинки из твоего будущего. О таких снах говорят, что они вещие. Объяснить это невозможно, говорит Наталья Бехтерева. Лучше не мудрить и сказать прямо, так как это никаким из современных научных способов объяснению не подлежит. Придётся предположить, что будущее дано нам заранее, что оно уже существует, и мы можем, хотя бы во сне, выйти в контакт то ли с высшим Разумом, то ли с Богом – с кем-то, кто владеет знанием об этом будущем.

Сны появляются неожиданно и так же неожиданно исчезают. Плаваю в размытых образах непонятного скопления каких-то людей, среди которых встречаются знакомые лица. Не то вечеринка, не то преддверие лекции в институте, который давно закончил. Ловлю себя

на мысли, что невольно ищу взглядом свою жену, которой в то время не было и в мыслях. Твёрдо уверен в том, что она где-то здесь, но не вижу её среди присутствующих. Недолго думая, пускаюсь на её поиски по нескончаемым коридорам и аудиториям. Пустые комнаты вырастают в отдельные дома, а коридоры превращаются в непреодолимые овраги и насыпи. С риском для жизни преодолеваю отвесную площадку перед аккуратным тротуаром и понимаю, что эта площадка попадает на моём пути каждый раз, когда я ищу супругу и даже уже знаю с какой стороны мне лучше эту площадку обходить. Вспоминаю место, где моя жена может находиться в этот момент и со всех сил бегу в нужном направлении. В итоге – разочарование. Мне говорят, что она была, но недавно ушла, но куда не сказала. В глубине души поднимается неконтролируемая ревность, чего в обычной жизни со мной не происходит. Когда наступает предел возбуждению, оказываюсь в незнакомом месте. Ночь. Вокруг сплошная тьма и не понятно где я нахожусь. Нужно выбираться на свет, который неизвестно где, а утро наступит не скоро. Бреду не понятно куда. Нужно найти свой дом до рассвета, а как это сделать не знаю. Желание света становится нестерпимым. Останавливаться нельзя, иначе опять окажусь там, откуда начал путь. Направлений много: вперёд, назад, вверх и вниз. Все пути открыты, а я толи на перекрёстке, то ли на распутье. Не хватает только придорожного камня с надписями – «прямо пойдёшь – жизнь потеряешь, направо пойдёшь – коня потеряешь» и тому подобное. Одним словом выбор не большой. Недолго поразмыслив, иду напрямки без особой уверенности, что попаду именно туда, куда надо. Утоптанная чьими то ногами тропинка, быстро расширяясь, превращается в широкую автостраду, выложенную тротуарной плиткой. Неожиданно начинает рассветать. Становится светлее и я замечаю, что моя обустроенная дорога упирается в высокую кованную ограду, которая своими крыльями разлетается в стороны и теряется в предутренней дымке. На душе становится легко и радостно – я дома. Высокие ворота открываются, когда я касаюсь их рукой, и передо мной открывается красивейший парк из сотен различных деревьев и кустарников. Разноцветные цветы будто кивают мне навстречу своими головками, радуясь долгожданной встрече. Странно, но в этом месте я нахожусь впервые, а чувство такое, будто попал к себе домой. Дальше – больше. Раздвинув руками широкие листья неизвестной мне пальмы, выхожу на открытое пространство. Многочисленные, разбросанные, казалось бы в беспорядке клумбы с удивительными цветами, заканчиваются высоким домом в стиле английских замков, выложенным белым камнем. Это мой дом и я тут живу. Чуть поодаль, прячась в тени деревьев, располагаются ещё несколько домиков. Небольших, но с интересной архитектурой. Вхожу в свой замок и сразу попадаю в широкую гостиную с мраморными полами, колоннами и различной лепниной. Меня никто не встречает, да и кому встречать? Появляется мысль, что моя жена уже дома и, наверняка, спит в своей комнате. Осматриваю ещё раз широкую лестницу с купидонами, уносящуюся на следующий этаж, улыбаюсь и начинаю подниматься. С каждой ступенью мне становится всё радостней. Я чувствую себя абсолютно счастливым человеком. У меня есть всё, что мог бы только пожелать. Мне не нужно никуда спешить и куда-то бежать, чтобы чего-то или кого-то найти. Всё и все дома. Мне легко, свободно и радостно. Неожиданно мираж, сотканный из удивительных садов и белых замков, исчезает, а я, будто бы просыпаясь, нахожусь в каком-то подвешенном состоянии между небом и землёй. Ощущение такое будто я проснулся, и нахожусь в обычном своём мире, лежу в своей постели с закрытыми глазами, но чувство увиденной мной сказки не исчезает. Пытаюсь трезво проанализировать увиденное, и сделать из всего этого определённые выводы. Тут и начинается самое удивительное. Мои мысли принимают вид чего-то плотного и осязаемого. Ощущение такое, будто я нахожусь в толпе людей, беспорядочно снующих в разных направлениях. Они мне не мешают. Мне даже приятно находится среди этого людского водоворота и быть его частью. Я чувствую, что окончательно проснулся и обрёл контроль над своим телом – могу пошевелить рукой и ногой. Могу повернуться набок, но мне этого не хочется. Я лежу на спине и смотрю закрытыми глазами в темноту. Я точно знаю,

чего хочу и ищу ответы на свои вопросы в этой темноте. Мысли легки и быстры. Такое ощущение, будто я знаю ответы на все вопросы. Все ответы передо мной. Только протяни руку, и ты обязательно их увидишь или услышишь. Кто-то неведомый шепчет мне в ухо подсказки, и мои мысли выстраиваются в строгий порядок, будто по ранжиру. Мысль действительно материальна. Я её вижу и ощущаю. С ней можно играть, складывая её словно детские кубики или собирать как отдельный предмет мудрёного конструктора. В такие игры можно играть бесконечно и получать от этого неземное удовольствие. Но в нашем мире всё когда-то заканчивается, потому, что всему приходит своё время. Кто запускает эти часы в столь нежелательный для тебя момент? Кто его контролирует и является главным распорядителем земных измерений? С закрытыми глазами вижу, как моя кошка Поля тихо подходит и прыгает мне на грудь. Своими лапками она начинает свой утренний массаж моей груди, осторожно выпуская острые коготки. Она первая почувствовала, что я проснулся окончательно, но уверен в том, что не она является главным его распорядителем. Рядом лежит под одеялом моя пропавшая ночью жена и будто ни в чём не бывало, тихонько досматривает свои сны. Интересно, хоть краешком глаза взглянуть на то, что она видит по ту сторону реального мира. В следующий раз обязательно узнаю о тех мирах, что находятся в других измерениях. Пока я знаю, что по теории Струн у Вселенной есть девять пространственных измерений и одно из них временное. Можно предположить, что в начале все измерения были переплетены, а после большого Взрыва выделились в три известных нам измерения: Высота, Ширина, Глубина, а так же временное измерение, известное нам, как Время. Остальные шесть остались в зачаточном и перекрученном состоянии. Сразу возникает вопрос – если мы живём в мире перекрученных измерений, то, как мы отличаем иллюзии от реальностей? Мы привыкли, что Время движется в одном направлении и что если одно из шести перекрученных измерений не пространственное, а то же временное? Сейчас просто необходимо опять вернуться к Большому Взрыву. Что было до него? А ничего и не было. Не было никакого «до». Просто ничего не существовало и не существовало самого времени. Рождение времени – результат расширения Вселенной. Опять возникает вопрос – что будет, когда Вселенная перестанет расширяться? Движение пойдёт в обратную сторону? Какой тогда будет природа Времени? К счастью или несчастью, это предстоит понять лишь в очень далёком будущем. Может спросить у того, кто уже наперёд знает, что произойдёт? В ответ тишина. Оно и понятно, что «технический контакт» человека с Богом мягко говоря затруднён несогласованностью времени человека и времени Бога. Мы живём во времени, а для Бога – времени не существует. А что если попробовать для восприятия РЕАЛЬНОСТИ выйти из времени туда, где его нет – в ВЕЧНОЕ НАСТОЯЩЕЕ? Опять ныряем в спасительную среду – квантовый мир. Увы – в этом мире, так же как и в нашем, существует завеса, отделяющая нас от истинной реальности. Как бы мы ни старались убрать эту завесу – она является слишком грозной для человека и его разума, чтобы с ней можно было соприкасаться непосредственно. Всему виной аннигиляция. Защиты от неё даже теоретической, к сожалению, мы не знаем.

Неожиданно получаю лёгкий толчок локтем в бок и слышу знакомый до боли голос:

– Пора вставать. Будильник уже два раза звонил, а ты спишь как медведь.

Открываю глаза, и взгляд тут же упирается в настенные часы напротив. Шесть тридцать три. Действительно пора.

– Давай ты первая, а ещё немного поваляюсь.

Ловец снов

1

Наскоро приняв душ, Виктор вытерся мягким махровым полотенцем и укутавшись в слегка великоватый ему халат, вышел из ванной. Первый этап обязательного ритуала, а теперь ещё и эксперимента, был завершён. Следующим и самым приятным из всех намеченных действий был лёгкий ужин. Именно лёгкий, и именно ужин. Не контролируемое поглощение пищи, а другими словами сметание пищи со стола в течение пяти минут, не отрывая глаз от телевизора, штатным психологом было напрочь отвергнуто, как вредное для здоровья животное чревоугодие. Тут же было констатировано, что пища должна иметь минимум калорий и объёма. Быть приятной на вкус и вызывать яркие ощущения. После её приёма должно оставаться лёгкое чувство голода без косых взглядов на холодильник. Самым желанным и ласкающим душу в этом перечне правил было вино. Красное сухое. Желательно известных брендов, но не в тетрапаках. Не более одного бокала. Когда штатный психолог произнёс эту фразу, то во рту у Виктора сразу же появилась неприятная горечь. Реки терпкого вина, представленные его воображением, тут же пересохли, оставив в жаркой пустыне смирения лишь маленький оазис с лужицей прекрасного напитка. Где-то в глубине души Виктор махнул на это рукой, понимая, что вино не сама цель, а всего лишь средство для достижения поставленной цели. Есть не хотелось, хотя за целый день бесконечной беготни удалось сжевать один, но зато ещё тёплый пирожок с картошкой, стрельнуть у Гарика пару печений из початой пачки с надписью «Юбилейное», да выпить пару чашек чая. Никакая пища просто не лезла в рот после разноса у Палканыча. Полковник Моськин Игорь Павлович – начальник районного ОВД города Таганска бил кулаком по столу с такой силой, что в противоположном крыле здания народ обрадовался тому, что наконец-таки начался долгожданный ремонт помещений, которого ждали уже пятый год.

– Шилов, твою мать!

Вообще-то фамилия у Виктора была Шипов, но коллеги по отделу после просмотра очередного сериала «Ментовские войны» сразу прилепили к нему прозвище по фамилии главного героя сериала. Новая фамилия прилипла сразу и навсегда. Через какое-то время его уже официально и без шуток все звали не иначе, как Шилов, хотя расписываться приходилось по своей первой фамилии, прописанной в удостоверении. Вдобавок ко всему его высокая сухощавая фигура и лёгкая горбинка на носу издали делали его внешне похожим на известного киноактёра.

– У тебя четвёртый висяк за месяц, а ты не чешешься! – Полканыч изрыгал пламя, вращая выпученными глазами. – Почему до сих пор нет плана мероприятий? У тебя вообще версии, какиенибудь есть на этот счёт?

Виктор топтался у двери начальника, пытаясь вставить хоть одно слово.

– Товарищ полковник...

– Ни хрена у тебя нет! Как думаешь ловить преступника, если ты даже приблизительно не знаешь, кто он и каковы были его мотивы?!

– Мы ищем...

– Вчерашний день ты Шилов ищешь! Где улики? – Массивное тело приподнялось над столом. – Я даже не вижу видимости работы! Все приклеились к стульям и что-то все пишут, а кто убийц ловить будет?!

– Мы работаем...

– Ни хрена вы не работаете! Вы даже видимость оной создать не можете, что бы я поверил! Смотри Шилов, у тебя две недели срока на это дело! Не раскрутите – не взыщи! Переведу на хрен в ППЭСники весь отдел! Слава богу, что желающих работать после реорганизации хоть отбавляй. Иди и помни, что у тебя всего две недели!

Виктор вышел из кабинета Полканыча в отвратительном состоянии. Собственно и обижаться на его нагоняй не стоило. В основном полковник был прав. Если дело не раскрыто – грош тебе цена, как начальнику подразделения.

После шумного разноса у Палканыча, его просторный кабинет, где располагался весь убойный отдел в составе четырёх оперов, показался тихой гаванью для разбитых кораблей. Действительно все что-то сосредоточенно писали, уткнувшись лбами в исписанные листки бумаг. Такого рвения к бумажным делам своих сотрудников Виктор не замечал давно. Обычно бумажная запарка начиналась ближе к Новому году и продолжалась не более двух дней и то, если не случалось чего-нибудь неординарного, в смысле очередного душегубства. Это могло означать только одно – дела всего отдела зашли в плотный тупик. Усевшись за свой стол в углу кабинета, Виктор ещё раз окинул взглядом пишущее царство и откинулся на спинку своего расшатанного стула. Он прекрасно понимал, что сейчас всё зависело только от него и от него ждали конкретных указаний, что бы тут же кинуться по следу убийцы.

Дело действительно было не простым. Два дня назад, прямо с утра они выехали всем отделом в адрес, где, по словам дежурного, было совершено убийство женщины. Труп обнаружила соседка. Отворив подозрительно не запертую дверь слева от своей квартиры, та увидела лежащую на полу в прихожей Пушкарёву Наталью Владимировну. Наталья Владимировна лежала в луже собственной крови и не подавала признаков жизни. Соседка тут же позвонила в милицию и сообщила о происшествии. Никаких следов взлома и ограбления квартиры обнаружено не было. Да и кто мог ограбить женщину, которая находилась на попечении сразу трёх авторитетных воров! Красавица Пушкарёва Наталья Владимировна, 30 лет от роду, а в миру – просто Натали, по жизни была тихой и скромной. Свои связи на показ не выставляла, потому что была умной и практичной женщиной. Детей бог не дал, потому, наверное, и взяла опеку над криминальными личностями, преследуя благие намерения их перевоспитать и направить по пути истинному. Это ей, однако, не мешало ложиться в кровать со своими подопечными по только одной ей известному графику. Знали ли её любовники о своём расписании и если да, то, как к этому относились? Если предположить, что если убийство было совершено на почве ревности, то тогда всплывал естественный вопрос – ревности кого из трёх? Это был даже не классический любовный треугольник. Это был уже садомский четырёхугольник!

На месте происшествия не было обнаружено никаких следов в виде отпечатков рук и ног, а так же отсутствовало само орудие убийства в виде узкого и длинного ножа, предположительно старого образца – «финки». Собственно сама рана, нанесённая профессионально в область сердца, наводила на мысль, что убийцей Натали вполне мог быть кто-то один из её трёх любовников. Или двух, а может быть и всех трёх. Двое держали, а третий воткнул ей нож прямо в сердце за измену.

Прокручивая в голове всевозможные мотивы убийства, Виктор то и дело возвращался к одной и той же. Убийство на почве ревности. И кто тогда у нас такой ревнивый? Сведения, собранные о постояльцах убитой, ничего нового в дело не внесли, только ещё больше его запутали. Кривоев Артур Хасанович, он же Кривой. 1973 года рождения. Вор рецидивист. Последняя статья, по которой отбывал срок – кража в универсаме. При задержании сопротивления не оказал и принял приговор суда, как должное, с улыбкой на лице. Освободился год назад.

Сидоренко Алексей Петрович, он же Сидор. 1969 года рождения. Вор рецидивист, карманник. Резал сумки в общественном транспорте, за что и был задержан последний раз самым пострадавшим. Заметив, что барсетку наглым образом вскрывают в полном троллейбусе, нерастерявшийся в прошлом мастер спорта по боксу, просто вырубил наглеца одним уда-

ром и сам приволок его в отделение, в компании нескольких свидетелей. Освободился полгода назад.

И, наконец, Шляпников Валерий Григорьевич по кличке Медведь. 1965 года рождения. Ростом под два метра и шириной плеч – полтора. Бывший борец. Кулак размером с голову 54-го размера. Тихий и застенчивый медвежатник. Любой замок вскрывал за считанные секунды. В компании домушников, чистивших дорогие квартиры и дома, пользовался непререкаемым авторитетом. Освободился из мест заключения пять лет назад и больше не привлекался.

По горячим следам Шилов дал указание всех троих задержать до выяснения. Задержали только в хлам пьяного Медведя. По его словам, накануне отмечали именины кореша, которые переросли в массовую попойку на несколько дней. Узнав о смерти Натали, он неподдельно расстроился и грозился поотрывать всем головы, но кому конкретно не сообщил. Такие же ещё не протрезвевшие свидетели именин, на вопрос был ли с вами Медведь, дружно кивали головами и что-то нечленораздельно мычали. В таком состоянии они могли подтвердить всё, что угодно, вплоть до организации всемирного потопа. Медведя пришлось освободить, взяв подписку о невыезде. Кривого в городе вообще не оказалось, а Сидора никто не видел уже с месяц. Поговаривали, что он завязал и уехал куда-то в Сибирь мыть золото. Естественно, что верить таким сведениям было нельзя, но другой информации у Виктора не было.

Подумать о том, что к убийству причастен кто-то другой, мысли приходили, но он отмечал их, как несостоятельные. Весь криминальный мир города, так или иначе, знал о связях Натали с этими тремя авторитетами, и покуситься на святое никому бы в голову не пришло. Все прекрасно понимали последствие такой расправы. Да и позариться на святое даже из чувства мести к кому-то одному из троицы было не в чести и считалось западлом. Если принять во внимание ещё и то, что никто из троих никогда не носил и не пользовался ножом, как оружием, то дело совсем становилось кислым. Внутреннее чутьё подсказывало Виктору, что времена меняются, и кто-то из подозреваемых всё же взялся за нож. На это, конечно, должны быть веские аргументы. Но чем, как говорится, чёрт не шутит? Остаётся одно – найти орудие преступления. Если предположить, что при себе нож, да ещё и палёный, никто из них носить не будет, то значит, этот нож куда-то сбросили. Остаётся выяснить куда?

Виктор обвёл взглядом пишущую братию и сказал:

– Ну, что молчите, сыскари? Мозги совсем размякли? У кого какие предложения по последнему случаю?

Сыскари нехотя отрывались от бумаг и начинали смотреть в потолок, будто там, на сером фоне, когда-то белоснежной побелки был написан ответ на его вопрос.

– Нужно искать Кривого с Сидором. – Старший лейтенант Григорьев подал голос из-за своего стола. – Наверняка они где-то здесь. Найти и прижать, как следует. Расколятся как миленькие.

Виктор кивнул головой в знак согласия.

– Правильно Володя мыслишь. Вот ты этим и займёшься.

Григорьев, было, возмутился, разведя руки в стороны и обращая внимание шефа на ворох бумаг у себя на столе, но вздохнул, принимая это как данное, начал собираться в дорогу.

Остальные смотрели на него, как на жертву перед закланием и молчали, будто набрали в рот воды. Вот так вот. Инициатива наказуема исполнением.

– У остальных, я смотрю мозги просто девственной чистоты.

Из-за монитора компьютера показались очки Толика Власова.

– И чего ты сегодня такой злой, Шилов? Что мы тебе такого сделали?

– Лучше бы вы что-то сделали мне! Полканых дал неделю сроку, что бы раскрыть все висяки. По истечении этого срока все дружно строим пойдём в народное хозяйство. Если конечно не успеем собраться, поднатужиться и выдать ему на гора всех преступников.

Виктор намеренно сократил сроки, чтобы свести раскачивание до минимума, но это было излишним. После намеченной Полканычем перспективы оказаться в болоте народного хозяйства, ни у кого не вызвало энтузиазма. Зная нрав своего непосредственного начальника, народ стал оживать на глазах.

– Нужно ещё раз обойти весь подъезд и опросить всех жильцов с пристрастием. – Вторым взял инициативу лейтенант Пирогов. – Наверняка кто-то что-то видел или слышал. Боятся соседи этих уголовников, вот и молчат.

– Созвонись только с участковым. Один не суйся.

– Понял.

Радостный Вадик Пирогов, схватил со стола пачку сигарет и выскочил из кабинета.

– Ну вот, другое дело. А то взяли моду – чуть что, так носом в бумаги. – Виктор оглядел оставшихся. – Ну, а вы, голуби? Чего молчим, как партизаны? Я жду от вас инициативы. Время давно пошло.

– Я уже час пробиваю вокзалы, на предмет покупки билета Криволаповым и Сидоренко. – Толик так и не показался из-за монитора. – Но пока пусто.

– Нужно самому съездить на авто и ЖД вокзал. Могли купить билеты с рук или на подставу. Может, кто из кассирш их запомнил.

Виктор сказал это бесцветным голосом и уставился в окно.

– Ну не верю я, что они выехали из города. Не верю и всё. – Медленно переведя взгляд от окна к Вадику, он добавил: – Вот это ты мне и докажешь.

– Слушаюсь, мой генерал!

«Генерал» поднялся из-за стола и подошёл к последнему ещё не задействованному оперативнику.

– Ну, чего думаешь ты, голова. Ты из нас самый умный и опытный.

Капитан Сорокин, которого обозвали головой, не сводил глаз с листа бумаги, лежащим перед ним.

– А ты вот, посмотри сюда. – Сорокин отодвинул исчерченный лист на край стола. – Видишь эти цифры?

– Ну и что они обозначают?

– Я выписал их из блокнота Пушкарёвой.

– Интересно. Ну, и...

– Самое интересное, что все цифры написаны разными цветами. Одни – синим. Другие – красным. Третьи – вообще простым карандашом.

– Ну и что?

– Смею предположить, что это время посещения Пушкарёвой её любовниками. Чтобы не сбиться, она раскрашивала даты и время разными чернилами. Красный, к примеру, принадлежит Кривому, синий – Медведю, а карандаш – Сидору.

– Ну и что это нам даёт? – Виктор склонился над листком, исписанным рядами цифр. – Посещали её довольно часто. Это понятно. Ну и что?

Сорокин в ответ пожал плечами.

– Пытаюсь выявить хоть какую-то закономерность.

– Зачем?

– Чтобы понять, кто из её любовников мог быть у неё той ночью.

– Хорошо. – Виктор вернулся к своему столу, сел на стул и откинулся на его спинку. – Только потом займись ножом. Он должен быть где-то рядом.

2

Открыв холодильник, Шилов окинул взглядом полупустые полки и извлёк из него кастрюльку с мамиными котлетами. Когда она принесла их, он уже не помнил, да это было и не важно. Запах холодных котлет не предвещал ничего дурного и Виктор поставил всю кастрюлю на газовую конфорку. Пока они разогревались, он достал из принесённого пакета бутылку красного каберне и водрузил её на стол. Подумав, откупорил её, и налив полный стакан, с сожалением спрятал в холодильник. Внешний вид пары сморщенных свежих помидор оставлял желать лучшего, но из овощей больше ничего не было. Недолго думая, он разрезал их на несколько частей и снял котлеты с огня. Разогревшись, они источали приятный запах, от которого тут же заурчало где-то глубоко в желудке. Две, размером с ладонь, котлеты перекочевали в тарелку. Оглядев всё это «изобилие» голодным взглядом, Виктор отрезал ножом кусок чёрного хлеба и сел за стол. Начинался второй этап эксперимента.

Неделя поисков фигурантов по делу Пушкарёвой, ровно, как и улик с места происшествия не привели ни к чему. Творческий потенциал его отдела как-то сразу сник и бойцы, опять усевшись за свои столы, тупо уставились в бумаги, производя вид усердной работы. Виктор раскачивался по привычке на донельзя расшатанном стуле, устремив свой взгляд в окно, и пытался за ним найти хоть какой-то неординарный ход в застопорившемся, а по правде сказать, проваленном деле. Массированная атака мозга привела к тому, что он всё – таки зацепился за какую-то бредовую идею. Эта идея не имела ни формы, ни содержания. Была призрачной и ему совсем не понятной. Однако, с упорством тонущего в безбрежном океане пловца, он наматывал её, как спасительный канат, на руку, приближая к себе желанный берег. Идея стала несколько проясняться, когда не выдержавший издевательств над собой стул, издав пронзительный писк, сложился под ним, скинув с себя седока на пол. Тишина в кабинете стала пронзительной. В этой тишине послышался, с грохотом разорвавшейся бомбы, стук головы Шилова об стенку. Вот именно в этот момент он, наконец, дотронулся до своей идеи. Улыбнувшись и поблагодарив господ за подсказку вслух, Виктор поднялся с пола и отряхивая испачканные джинсы, оглядел своих подчинённых. По их спокойным и безучастным лицам, понял, что полёт не произвёл ни на кого особого впечатления, собрал куски развалившегося стула и направился к выходу.

– Живой?

Виктор перевёл взгляд на Сорокина и пожал плечами.

– Бывало и хуже.

Капитан, не меняя выражения лица, опять уставился в свои исписанные листки.

– А что это ты про бога?

– Это я о своём.

– А-а...

Послышалось в ответ, и опять наступила тишина. С обломками стула, он вышел в коридор и направился в хозчасть, что бы обменять эти старые обломки у прапорщика Жирнова на новые. Спасительная мысль билась в его голове пульсирующей артерией уже где-то совсем рядом. Стук каблуков по паркету заставил его инстинктивно поднять глаза. Навстречу ему, словно по подиуму, плыла штатный психолог Анечка. Слегка раскачивая узкими бёдрами, откинув плечи назад и гордо подняв голову, она приближалась к Виктору, как неминуемая судьба. То, что она его судьба, он понял, когда Анечка поравнялась с ним и улыбнулась, кивнув головкой в знак приветствия. В ответ Виктор остановился и резко схватил её за руку. Такое обращение вызвало у Анечки бурю протеста, выраженную в словах:

– Что вы себе позволяете, майор?

Виктор, не отрываясь, смотрел ей прямо в глаза и молчал, понимая, что он её не отпустит, пока его фантазии не обретут надлежащую форму. Где-то на подсознательном уровне, он понимал, что без её участия, он один не справится. Она была ему нужна, как тот спасительный канат, который приблизит его к своей идее. Тем временем Анечка, пытаясь освободиться от его захвата, начала повышать голос:

– Шилов, вы в своём уме? Сейчас же уберите руку!

Их случайная встреча в коридоре не осталась незамеченной и снующие туда-сюда сотрудники начали останавливаться и обращать на них внимание. Уже скоро посыпались смешки и реплики в его адрес:

– Что Шилов, поймал своё счастье?

– Чего стоишь дурень, води её в кабинет психологической разгрузки. Заодно и разгрузишься.

Анечка не могла больше терпеть насмешек и с силой попыталась выдернуть свою руку из смертельного захвата.

– Да пустите, наконец! Шилов, немедленно прекратите этот произвол!

– Анечка, от него ещё никто не убежал. Смиритесь со своей участью.

В коридоре образовалась небольшая группа, наблюдающих за поединком. Виктор не сразу понял, что они стали предметом насмешек. Осмотревшись по сторонам и несколько придя в себя, он попытался избавиться от улыбающейся публики несколько резковатым тоном:

– Вам делать больше нечего? Идите куда шли! У меня срочное дело к товарищу капитану!

Публика, хмыкнув себе под нос, начала расходиться.

– Так бы сразу и сказал.

Анечка прекратила вырываться, услышав о срочном деле.

– Даже если дело срочное, то не нужно так меня хватать Шилов. – Улыбнувшись, она несильно потянула свою руку на себя, пробуя зайти с другой стороны. – Ты только скажи, и я сама к тебе прибегу.

Шилов резко мотнул головой.

– Нет. Нужно сейчас и срочно. – Отрезал он. – Промедление смерти подобно.

Зажав одной рукой под мышкой обломки стула, а другой Анечкино плечо, он потащил её в направлении комнаты психологической разгрузки.

– Понимаете, Анна Сергеевна, – сказал Виктор, усевшись в удобное мягкое кресло в кабинете психологической разгрузки и усадив напротив себя Анечку, – Я хочу провести один эксперимент, результатом которого будет поимка опасного преступника...

Он замялся, не зная, как дальше объяснить девушке то, о чём сам имел смутное представление. Анна Сергеевна оживилась при слове эксперимент и подтолкнула Виктора к более решительным шагам.

– Эксперимент? Это интересно. А я вам зачем? Какую роль в этом эксперименте вы отводите мне?

– Я не совсем чётко ещё всё это представляю и мне нужна ваша помощь, чтобы иметь более чёткое представление об этом.

– Хорошо. Давайте попробуем вместе справиться с вашей призрачной задачей. – Анна Сергеевна, поудобнее расположилась в своём кресле и задала первый наводящий вопрос: – Если речь идёт о поимке, как вы говорите, опасного преступника, то это должны быть, как мне кажется, какие-то действия с вашей стороны, которые и приведут к этой поимке? Действия, какого плана вы предусматриваете в своём эксперименте?

Виктор заёрзал в кресле, собираясь с мыслями.

– Видите ли, это не совсем стандартные или общепринятые действия. Мне очень бы хотелось, чтобы наш с вами разговор не вышел из этого кабинета.

– Конечно. Для этого и нужны психологи, чтобы помочь человеку справляться со своими фобиями и менять их представление об окружающем их мире...

Виктор замахал руками.

– Я вполне адекватен и здоров. Не нужно со мной обращаться, как с умалишённым.

– Ну, что вы. – Анна Сергеевна широко улыбнулась. – Вас ли Шилов считать умалишённым? Вы честь и гордость всего управления.

Виктор расслабился и кивнул головой, соглашаясь с её доводами.

– Благодарю вас.

– Однако мы отвлеклись от эксперимента.

– Да, да. Как я уже говорил, это необычный эксперимент. Необычный тем, что сама поимка будет проводиться... – Виктор обвёл взглядом кабинет, будто тут и будет проводиться эта поимка. – Скажем так – виртуально.

– Виртуально? – Повторила Анечка, как бы пробуя на вкус это слово. – Интересно. Как вы себе это представляете?

Видя на её лице не поддельную заинтересованность, Виктора понесло:

– Вы чтонибудь слышали об информационном поле Земли?

Анна Сергеевна тут же кивнула головой.

– Кое-что слышала, – загадочно улыбнулась она, – а причём тут это?

– Сейчас постараюсь объяснить. Считается, что основой или фундаментом информационного поля Земли является ДНК. Наше человеческое ДНК. И оно объединяет и связывает всё сущее на планете. Просто понять сущность этого невозможно, поскольку это выходит за пределы человеческого разума. Любая информация, имеющая место в реальном мире, так или иначе, трансформируется в энергию. Причём вполне материальным способом. А вот уже полученная энергия из-за этой трансформации, является кирпичиком всего энергетического поля планеты. Учёные считают, что эта энергия является основополагающей всего бытия. Весь вопрос в том, как подключиться и использовать эту энергию в своих целях? Примеров тут больше, чем мы думаем. Взять хотя бы Менделеева. Проснувшись однажды утром, великий учёный нарисовал всю периодическую систему элементов, над которой трудился годы, за один день! Глухой Бетховен писал божественную музыку, которую мог слышать только в своих снах. Я не говорю уже о великом Тесло, который грезил наяву, не выходя из информационного поля ни днём, ни ночью. Таких примеров большое множество. Я сам обладаю некими возможностями и хочу подключиться к этому полю. Только не знаю как. Вот собственно для этого вы мне и нужны.

Виктор перевёл дыхание и закончил:

– Я хочу увидеть в прошлом преступника и найти улику, позволяющую его обличить в преступлении.

После его выступления, в кабинете психологической разгрузки повисла тишина. Анна Сергеевна, сморщив белоснежную кожу на своём лобике, переваривала полученную информацию. Виктор не мешал ей, иногда бросая косые взгляды на её симпатичное личико. В принципе этот его бред могла выслушать только она и никто более. Палканыч просто выгнал бы его из своего кабинета, даже не дослушав до конца, не говоря уже о помощи. Ему сейчас, как воздух, нужен был соучастник и помощник.

– О способности поддерживать творческую мысль во снах упоминается ещё в трудах Аристотеля и Тита Лукреция Кара. Но вы говорили о своих неординарных возможностях. – Наконец раздался тихий голос Анны Сергеевны. – Нельзя ли рассказать более подробно об этом?

Виктор выбрался из мягкого кресла и прошёлся по кабинету. Обволакивающий его со всех сторон комфорт расслаблял, мешая сосредотачиваться. На ногах он чувствовал себя намного собранней и уверенней.

– Дело в том, что я обладаю способностью контролировать сны.

– Вы хотите сказать, что способны принимать логические решения и анализировать ход вашего сна?

– Именно так. Это я заметил ещё в детстве, но не придавал этому значения.

– А сейчас значит придали?

– Не сейчас, а гораздо раньше. Чтобы понять, почему у меня это получается, я читал специальную и научную литературу. Однако чтобы понять смысл всего, моих познаний оказалось недостаточно, и я бросил эту затею и больше к этому не возвращался. А было это ещё в десятом классе.

Анна Сергеевна так же поднялась из своего кресла и подошла вплотную к Виктору, обдав его волной чарующего и загадочного запаха от очередного шедевра парфюмера Такада Кензо.

– Другими словами вы хотите, чтобы я помогла запрограммировать вас на необходимый результат?

– Именно так.

– Это не просто будет сделать, а вдобавок ко всему получить то, чего вы хотите. Для этого нужно, как минимум понять сущность информационного поля, а это, извините, не возможно. Вы сами только что об этом сказали. Это первое. Информация, которую вы добудете, может иметь различную форму. Эта форма может принимать обонятельные, слуховые, зрительные и другие ощущения. Это второе. Третье возникает из второго. Вам нужно научиться во время сна работать с различными видами энергий. По крайней мере, научиться их разделять.

– И как это сделать?

– Если бы я знала, я могла бы управлять миром.

– Давайте попробуем вместе?

– Что, управлять миром? – Её звонкий смех заполнил всю комнату. – А давайте! Не боги же горшки обжигают.

– Так-то горшки.

– Вам Шилов уже страшно?

– Да нет. Мне это жутко интересно. В любом случае мы с вами ничем не рискуем.

– Ой, ли?

– По крайней мере, вы, а я всего лишь перейду в команду ППЭСников.

Анечка опять опустилась в кресло и на секунду задумалась.

– Интересную вы мне задачку задали. Да сядьте вы и не маячьте перед глазами.

Виктор, как послушный ученик, тут же опустился в удобное кресло справа от неё. С этого ракурса было хорошо разглядывать профиль её лица. Раньше он как-то не замечал Анну вообще, а сейчас любовался чертами её задумчивого профиля. Русые волосы водопадом ниспадали на её плечи, обрамляя нежный овал с правильными его чертами. Миндалевидные по форме глаза, придавали ей немного восточного шарма, а слегка курносый носик, делал её образ по-детски лёгким и игривым, как весенний ветерок. Но самым очаровательным в её лице были губы. Слегка сжатые и говорящие о твёрдом характере, но тут же мягкие и желанные. Красивый изогнутый их контур, слегка обозначенный карандашом, заставлял Виктора то и дело отводить взгляд в сторону. Почему-то подумалось, что эти губы до греха доведут непременно.

– Если честно, – вышла из задумчивости Анечка, – я даже не знаю, как вам помочь. Разве что лечь с вами в постель и давать указания, куда вам идти и на что смотреть.

– Мысль не плохая. – Виктор встрепенулся и всем телом потянулся к Анечке. – Можно попробовать.

– А вы часом меня не разыгрываете? – Анна Сергеевна, сузив глаза, подозрительно посмотрела на придвинувшегося к ней Виктора. – Шилов, вам делать больше нечего?

– Да нет, что вы. Это я так. К слову. У меня к вам совершенно серьёзные намерения. – Сказал и понял, что сболтнул что-то не то. Тут же попытался поправить своё неловкое положение. – Я имею в виду информационное поле.

Анна Сергеевна, как-то обиженно усмехнулась и опять повернула к Виктору свой прекрасный профиль.

– А я уж было обрадовалась. – Прекрасный профиль сменился не менее привлекательным анфасом. – Ну, раз вы ничего не хотите, тогда продолжим развивать вашу тему про информационное поле.

– Анна Сергеевна... Анечка... – Виктор сложил на груди руки, вымаливая прощение за неловкие слова. – Я вас... Вы мне...

– Да полноте, Шилов. – Металл в её голосе отрезвил Дон Кихота. – Всё пытаюсь понять вас, мужчины. Сами инициативы никогда не проявите, а чуть помани пальчиком, так вы со всех ног, сломя голову. Не стыдно?

Виктор понял, что его по-детски развели, и принял обиженный вид.

– Я от всей души, а вам видно доставляет удовольствие ковыряться пальцем в воспалённой ране.

– Как интересно. Я это непременно приму к сведению. Давайте всё же вернёмся к нашим баранам.

Перестрелка закончилась вничью. Все остались живы и здоровы.

– Действительно тут трудно чем-то помочь. Всё зависит только от вас. Единственное чем могу помочь – это настроить вас на решение проблемы.

– И на том спасибо.

– Да будет вам обижаться, Шилов. Простите моё легкомыслие. Клянусь, что больше не буду дразнить вас.

Виктор обиделся ещё больше.

– И я в таком случае больше ничего предлагать вам не буду.

Он поднялся из кресла, намереваясь уйти, но неожиданно Анечка удержала его за руку.

– Какой вы, однако, обидчивый. У вас душа ребёнка. – Анечка держала его за руку и не отпускала её, а улыбка не сходила с её лица. – Даю слово, Шилов, что когда вы попадёте в это поле и раскроете преступление, я угощу вас вкусным ужином у себя дома.

Виктор остановился. Тепло её руки выгнало обиду, и он улыбнулся Анечке в ответ.

– Виктор. Меня зовут Виктор. Может, перейдём сразу на «ты» без брудершафта?

Анечка отпустила его руку.

– Давай перейдём, если ты так хочешь.

«Если ты», да ещё и «так хочешь» – Виктор поднялся вверх до самого потолка, взмахивая неожиданно появившимися у него за спиной крыльями.

– А на счёт ужина, это правда?

Аня открыто улыбнулась, глядя ему в глаза.

– Правда, Витя, правда.

Как хорошо, что не надо ничего говорить, в чём-то признаваться, что-то обещать. Взрослые люди, кому уже далеко за 30, слегка потрёпанные жизнью знают и понимают цену каждому слову.

– Так что же мне делать с полем? – Виктор вернул разговор в рабочее русло. – Скажи хоть, что делать и как себя вести? Где его вообще искать это поле?

– Для начала ты сам должен поверить в то, чего хочешь. – Серьёзное выражение лица Ани, говорило о её полном участии. – Сильно поверить. Что касается «что делать», то мудрецы говорят, прежде всего, о воздержанности и целеустремлённости. Готовься ко сну, как к своему последнему бою. По русской традиции обязательно прими тёплый душ, чтобы смыть духовную грязь с души и тела. Грязных туда не пускают. Ужин твой должен быть скромным и приятным,

что бы доставить удовольствие. Обязательно в твоём рационе должен присутствовать мёд или бокал настоящего красного сухого вина, известной всем марки, но не разливного в пакетах. Телевизор лучше не смотреть – особенно новости. Лучше почитай что-либо приятное, лежащее на душу белым светом. Если сможешь, то прочти лучше молитву, какую знаешь. Когда погрузишься в сон, не бросайся на все образы сломя голову. Пытайся увидеть в них смысл. Возможно, они подскажут тебе, что делать и куда идти дальше.

– Наверное, я это и хотел от тебя услышать. – Виктор улыбнулся ей одними глазами, обнимая её плечи этим взглядом и нежно касаясь краешка очаровательных губ. – Спасибо тебе, что поняла и спасибо за совет.

Виктор машинально взглянул на свои часы и вздрогнул. Они находились в кабинете уже больше часа. Наверняка его уже ищут по всему управлению. В подтверждении его догадки, дверь кабинета резко и без стука распахнулась, и на пороге показался взбудораженный Сорокин.

– Вот вы где? Шилов, звонил наш агент. В «Ночной сове» Меченный гуляет! Все готовы к задержанию, только тебя никак не найдём. Машина уже ждёт! Давай быстрее!

Выпалив всё это скороговоркой, Сорокин скрылся за дверью.

– Вот видишь, ты приносишь мне удачу. Я не ошибся в тебе и своём выборе.

Анечка продолжала сидеть в кресле, разглядывая засуетившегося Виктора, таким взглядом, что у того непроизвольно затряслись колени от прилива нежных чувств и непонятной робости перед этими чувствами.

– Обязательно держи меня в курсе, как идёт наш эксперимент.

Слово «наш» благодатно опустилось на душу и Виктор на секунду задержавшись в дверях, с благодарностью улыбнулся ей в ответ.

– Конечно. Обещаю.

Захлопнувшаяся за ним дверь, отрезала от него Анечку, оставив её одну в полутёмном кабинете психологической разгрузки.

3

Вымыв за собой посуду, Виктор прислушался к своему организму. Тот, удовлетворившись поглощённой пищей, и приятно лёгшим на неё каберне, благодарно молчал, переваривая котлеты и смакуя вино. Ну и, слава богу, подумал хозяин этого организма и направился к кровати, прихватив с собой по пути какую-то книжицу, лежавшую на нижней полке серванта и не понятно как попавшую на эту полку. Книг в доме было мало и все они дружно пылились в верхней части огромного старомодного шкафа, оставшегося ему в наследство от родителей. Читать их было просто некогда, но иногда они удостаивались мимолётного взгляда своего хозяина и, наверное, были тому безмерно рады. Улёгшись в постель, Виктор взглянул на обложку книги, на которой крупными буквами было написано имя писателя и её название. «Виктор Пелевин», прочёл он, и ниже «Generation „П“». «Интересно, интересно» – сказал Виктор сам себе и открыл книгу на первой попавшейся странице и начал читать: «— Когда ты просыпаясь, ты каждый раз заново появляешься из ниоткуда. И всё остальное точно так же. А смерть – это замена знакомого утреннего пробуждения чем-то другим, о чём совершенно невозможно думать. У нас нет для этого инструмента, потому что наш ум и мир – одно и то же.

Татарский попытался понять, что это значит, и заметил, что думать стало сложно и даже опасно, потому что его мысли обрели такую свободу и силу, что он больше не мог их контролировать. Ответ сразу же появился перед ним в виде трёхмерной геометрической фигуры. Татарский увидел свой ум – это была ярко-белая сфера, похожая на солнце, но абсолютно спокойная и не подвижная. Из центра сферы к её границе тянулись тёмные скрученные ниточки-волоконца. Татарский понял, что это и есть его пять чувств. Волоконце чуть потолще было зрением, потоньше – слухом, а остальные почти невидимы. Вокруг этих неподвижных волокон плясала извивающаяся спираль, похожая на нить электрической лампы, которая то совпадала на миг с одним из них, то завивалась сама вокруг себя светящимся клубком вроде того, что оставляет в темноте огонёк быстро вращаемой сигареты. Это была мысль, которой будет занят его ум...»

Захлопнув книгу, Виктор подумал о том, что, сколько же надо было его тёжке съесть мухоморов, прежде чем написать такую нетленку? В любом случае этот текст никак не ложился ему на душу белым светом и с тоской почему-то светлому, вперемешку с постельной ленью, он перевёл взгляд на пыльную полку шкафа с Толстым и Чеховым. Недолго думая, Виктор выключил прикроватный торшер. Темнота тут же поглотила его в своё ненасытное чрево, от чего стало несколько дискомфортно, но закрыв глаза, он мгновенно вынырнул из неё, оказавшись в родном, узнаваемом мире своей «ярко-белой сферы». Тут же эта сфера предложила прочесть по памяти какую-нибудь молитву и сама, развернувшись в белый лист вощёной бумаги, написала на нём «Отче наш. Еже и си на небеси... Да святится имя твое, да придет царствие твое. Как и мы оставляем должником нашим... Ныне присно и во веки веков. Аминь.» Вот собственно и всё, на что была способна сфера. Дальше шли только девственной белизны листки бумаги, выскакивающие, словно из сломанного принтера. Мысленно скомкав их в большой ком, выкинул его в урну и выключил принтер. Перед глазами, как наяву, стали проплывать всё знакомые лица. Очень хотелось, чтобы это были образы его родных и друзей, но коварная тьма, будто потешаясь над ним, устроила ночное слайдшоу убийц и насильников. Успокоив себя тем, что это всего лишь издержки профессии, Виктор остановил эту карусель, оставив перед собой всего два слайда. Эти лица надоели ему хуже горькой редьки, потому что он сам чувствовал, как срастается с ними, становясь частью их тёмного мира. Кривой и Сидор смотрели на него в упор, нагло усмехаясь и тихо переговариваясь о чём-то между собой. Хотелось услышать, о чём они говорят, но подойти ближе Виктор не решался. Наверняка они поймут, зачем он это

сделал и прекратят говорить. Так или иначе, их нужно задержать. Говорил же я всем, что они здесь – в городе, так не верили ему, теперь всё нужно делать самому. А была, не была. Виктор резко сорвался с места и как ветер понёсся в их сторону. Кривой тут же понял его замысел и дёрнул за руку Сидора. Сидор погрозил издали приближающемуся к ним Виктору кулаком, затем спокойно попрощавшись за руку с Кривым, они не спеша разошлись в разные стороны. Виктор мог бы поклясться, что до Кривого ему было рукой подать, но он так и не смог его догнать, хотя бежал со всех ног, а сам Кривой всё время непостижимым образом был от него на недосягаемом расстоянии. Оглянувшись назад, Виктор вдруг, понял, что зря он всё это затеял. Сидор уже исчез из вида, растворившись в многочисленных улочках города, а Кривой просто растаял в воздухе, завернув за угол универсама по улице Петровской. Отдышавшись, Виктор осмотрелся по сторонам. Станным было то, что все улицы города были пусты. Не было ни людей, ни машин, ни общественного транспорта. Не было ни чего, кроме серых, похожих друг на друга зданий и ярких табличек с названиями улиц. Пройдясь по Петровской, он свернул на Межевую и рассматривая четырёхэтажное белое здание с чёрными глазницами окон, неожиданно для себя самого остановился, прислушиваясь. Было ощущение, что за ним кто-то идёт. Идёт тихо и скрытно. Ощущение переросло в реальность, когда он резко обернулся назад. Он мог бы поклясться, что какая-то тень быстро юркнула в подворотню многочисленных двухэтажных ЖАКТов и махнула белым не то платком, не то полотенцем. Дело принимало неожиданный поворот. Преследуя бандита, он сам стал объектом слежки. Ну, что ж – не привыкать. Поиграем в кошки – мышки. Дойдя до пересечения улиц, Виктор быстро зашёл за угол первого попавшегося здания с вывеской «Почта». Оттуда ему хорошо был виден весь перекрёсток улиц, и пройти мимо него было невозможно. Простояв за углом какое-то время, он понял, что его преследователь не так уж прост, как кажется. Видимо, тот догадался, что сам превратился в объект для слежки и не спешил показываться на глаза. Кто же это у нас такой умный? Стоять в ожидании чуда всю ночь не было смысла и Виктор, оглядываясь по сторонам, продолжил, как он сам считал, преследование Кривого. Где-то глубоко в «ярко-белой сфере» засела мысль, которая весь его дальнейший путь, не давала ему покоя. Он непременно должен прийти в определённое место, которое он якобы знал. Именно в этом месте и прячется Кривой. Главное, что он знал это наверняка. Ещё мгновение назад он помнил это место, а сейчас напрочь его забыл. Опять появилось ощущение слежки за собой. Это начало приводить его в тихую ярость. Скорее почувствовав, чем увидев знакомую тень с белым платком за углом, Виктор со всех ног кинулся обратно в направлении почты. Он успел разглядеть эту тень с уродливой рожей и даже попытался достать её рукой. Однако, неожиданно из-за поворота Итальянского переулка появился старый дребезжащий трамвай. Он ослепил его единственной фарой и резко зазвонил своим сигналом с такой громкостью, что Виктор быстро прикрыл свои уши ладонями рук и закрыл глаза.

Когда трамвай проскочил мимо него, он убрал руки и открыл глаза. Стоящий рядом на прикроватной тумбочке будильник создавал впечатление, что Виктор сам едет в этом трезвонящем и дребезжащем трамвае. Ударив по кнопке рукой, он, наконец, прекратил этот душераздирающий звук и сел на кровати, обхватив голову руками. Какой-то бред. Куда исчез Сидор? Что это за место, где прячется Кривой и что это за безобразная тень с белым платком? Виктор встряхнул головой, прогоняя ночные образы и уже начал жалеть, что посвятил в этот бред Анечку, когда раздался телефонный звонок. Он поднёс трубку к уху.

– Да, слушаю.

На том конце немного помолчали, но потом трубка заволашевающим голосом Анны Сергеевны, ответила:

– Доброе утро, ловец снов. Как самочувствие?

У Виктора перехватило дыхание, но собравшись, он в той же тональности ответил:

– Доброе утро. Самочувствие превосходное, если не считать, что всю ночь гонялся за призраками и устал что тот конь.

– Поймал когонибудь из призраков?

– Куда там. Они все хорошо подготовлены и бегают гораздо быстрее меня.

– Это тоже результат. Будет время, загляни ко мне – обсудим твои ночные кошмары.

– Непременно.

В трубке запищали короткие гудки отбоя. Выключив телефон, Виктор улыбнулся. Хотя что-то приятное с утра. На раз, два, три, он поднялся с кровати и направился в ванную комнату.

К зданию управления он подходил, почём свет, ругая себя за то, что влез в эту авантюру, да ещё и посвятил в эту чертовщину Анечку – «Информационного поля ему захотелось! Трижды дурак, что сам повёлся на эту бредятину! Вот смеху-то будет, если кто узнает. Тогда хоть вообще с работы уходи. Прав Полканыч – нужно делом заниматься, а не ерундой всякой. Спасибо, что он хоть избавил его бесконечных летучек – от стыда бы сторел у него на совещании». В свой кабинет он ворвался словно ветер с таким выражением лица, что его опера не на шутку перепугались.

– Что-то случилось?

Первым подал голос Вадик Пирогов. Тут же его поддержал Толик Власов:

– Шеф, на тебе лица нет.

Тревогу в его голосе Виктор пресёк ударом кулака по своему столу.

– Вы что думаете, что прошлись по дворам, опросили соседей и знакомых и всё?! Кривой и Сидор в городе! Прямо сейчас все, – он интонацией подчеркнул это слово и посмотрел на Сорокина, – я сказал все. Занимаются только поисками этих двух уголовников! Прочесать всё под мелкую гребёнку! Сегодня к вечеру я должен знать, где конкретно они находятся!

– Так искали уже.

Тихо подал голос Григорьев.

– Хреново искали! Без энтузиазма. Уговаривать никого не буду. Времени у нас на всё про всё – три дня. Потом отдел расформируют. Я уже это говорил, но напомню ещё раз, для бестолковых. Если кого-то это не напрягает, то флаг вам в руки. В лучшем случае в ППС или вечным дежурным.

– А в худшем?

– В худшем – торговать за прилавком. Всё равно вы ни на что большее не годитесь.

– Да будет тебе Шилов молнии метать. – Сорокин поднялся из-за стола и снял с вешалки свой пиджак. – Не дураки – всё понимаем. Если они здесь в городе, то мы их вычислим. Ну а если нет – тогда не обессудь.

Махнув рукой всем оставшимся, он направился к двери.

– Все за мной. По дороге распределим обязанности. Толик, мне нужен твой осведомитель из трамвайного депо.

На ходу Сорокин начал раскручивать сыскную машину. Его собранность и деловитость внушали в Виктора надежду. Через десять минут кабинет опустел. Шилов взял в руки мобильник, набрал на нём номер по памяти и поднёс трубку к уху. Через несколько секунд трубка ответила мужским голосом:

– Ну. Слушаю.

– Не нукай, не запяг. – Виктор сразу осадил нерадивого своего агента. – Слушай Ерёма меня внимательно. – По тишине на том конце, он понял, как напрягся сейчас Ерёма. – Прошло уже три дня с тех пор, как я дал тебе поручение найти человека, который знает, где хоронится Кривой. Ты сам назвал мне его имя, и я тебя за язык не тянул. Если сегодня ты не сведёшь меня с ним, то завтра ты сам понимаешь, что с тобой будет. Не в моём стиле угрожать, но у меня сейчас другого выхода нет.

На том конце раздалась усмешка Ерёмы:

– Что, так хреново, начальник?

– Не то слово.

– Да отдам я тебе его, отдам. Я же тебе говорил, что его не было всю неделю в городе.

В акурат сегодня должен нарисоваться. Я тебе сам позвоню.

Трубка запищала короткими гудками отбоя. Бросив её на стол, Виктор поднялся со стула в тот момент, когда дверь кабинета распахнулась и на пороге показалась огромная фигура Полканыча, закрывшая собой весь проём. Не входя в помещение, он осмотрел пустые места оперов и перевёл взгляд на Виктора.

– Вижу Шилов, что трудитесь. Молодцы. Однако сроку тебе осталось три дня. Не обижайся, но надо мной начальства больше, чем на той сучке блох и все хотят моей головы. А я ведь умный – я им твою голову отдам. Кем-то нужно жертвовать. Мной нельзя – мне до пенсии досидеть нужно. Не маленький, сам всё понимаешь.

Виктор промолчал в ответ и только кивнул головой в знак согласия. Полковник неожиданно подмигнул ему и улыбнулся.

– Вот и славненько, что понимаешь. А как тебе наша Анечка?

Виктор округлил глаза от возмущения.

– Мы с ней общаемся только по делу, товарищ полковник.

– Ну да, ну да.

Полканыч, что-то пробубнил про свой возраст и прикрыл дверь. Виктор выдохнул, скопившийся в лёгких воздух. Час от часу не легче. Уже донесли, что у Шилова был разговор с Анной Сергеевной в кабинете психологической разгрузки. Дурдом. Идти к ней не хотелось, но раз обещал, то слово нужно держать.

Анечка сидела за столом с воём кабинетике и что-то быстро писала. Кабинет у неё действительно был таких размеров, что в него больше двух человек протиснуться никак не могло. Зато сразу было видно, что хозяйка кабинета женщина. Прежде всего – запах. Запах какой-то весенней свежести, а не прогорклой вони табачного дыма. Какие-то картинки на стенах, цветочки на подоконнике. Аккуратненько и чистенько, как в дорогих салонах. Главное, что всё на своём месте и ничего лишнего. Из таких кабинетов и уходить не хочется, а если в этом кабинете ещё и трудится понравившаяся тебе девушка, то хочется остаться здесь на весь рабочий день. Здесь за закрытой дверью, кажется, что идёт совсем другая жизнь. Тихая, открытая и спокойная, без ругани и грязи. Без насмешек и подлости. Звук захлопнувшейся двери, оторвал её от бумаг, и она подняла глаза.

– Здравствуй Виктор. Проходи, присаживайся. – Она тут же подняла со стола чайник, чтобы долить в него воды. – Кофе будешь?

Виктор в ответ кивнул головой, пытаясь выгнать из себя скверное настроение.

– Здравствуй Аня. Спасибо, нет.

Анечка подозрительно посмотрела в кислое лицо Виктора и поставила электрочайник на место.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Понятно то, что ты разочаровался в своём эксперименте. Времени у тебя в обрез, а в голове бардак из кошмаров, как ты говорил, просмотренных снов, и кроме разочарования ты сейчас ничего не испытываешь.

Анечка была настоящим психологом и на раз раскусила состояние Виктора. Тому стало как-то неуютно, и он заёрзал на жёстком стуле.

– В чём-то ты права...

– Не в чём-то, а в принципе, да и в деталях тоже. Что, кончился естествоиспытатель? Получил по соплям и раскис, как девица?

Её голос крепчал, а Виктор, вдруг, почувствовал, как ему стало неуютно в этой тихой гавани. Хотелось уйти и больше сюда не возвращаться. Но если он это сделает, он больше Анечку никогда не увидит. Хотя, увидеть-то увидит, но таких доверительных отношений с ней у него уже больше не будет. Это он понимал чётко и ёрзал на стуле от внутреннего дискомфорта.

– Ты хочешь и мне стул сломать?

– Послушай Аня. – Виктор перестал ёрзать и попытался перехватить инициативу. – Если бы ты сама видела этот бред, то вела бы себя точно так же. Видимо я поспешил с этим полем. Да и не каждому это под силу.

Анечка успокоилась и неожиданно улыбнулась.

– А кому под силу?

– Не знаю. Наверное, каким либо творческим личностям – учёным, например.

Анечка тихо вздохнула.

– Ты плохо настроился и совсем не поверил в свои силы. Я говорила тебе, что информационное поле может открыться только сильному человеку. Расскажи, что ты видел? Мне интересно будет послушать.

Виктор хотел встать и уйти, но под её волшебным голосом, остался сидеть на месте. Неужели ей это может быть интересно?

– Я видел их обоих – Кривого и Сидора. Причём они были вместе и о чём-то говорили. Я попытался их задержать, но они будто растворились в воздухе. Потом ещё какая-то тень за мной бегала. Звонящий трамвай. Чушь полная.

Внимательно его выслушав, Аня всё же набрала в чайник воды и включила его в сеть. Она молчала, пока чайник не закипел, потом разлила кипяток в две чашки. Насыпала в них по ложке кофе и столько же сахара. Одну поднесла Виктору.

– Выпей и расслабься. То, что ты их видел, может означать, что они всё же в городе и это уже хорошо. Это уже информация. – Она отхлебнула маленький глоток из чашки. – Насчёт тени пока ничего тебе не скажу, но это тоже интересно. За ней нужно будет понаблюдать.

Виктор отхлебнул горячий кофе и обжёг язык. Это опять вернуло ему скверное настроение. Он отодвинул от себя чашку и резко поднялся со стула.

– За кем наблюдать?! Бред это всё! Извини, что втянул тебя в это дело. Времени у меня нет, что бы сейчас сны разгадывать. Не нужно это было делать с самого начала. Это во мне юношеский максимализм разыграл.

Виктор выскочил из кабинета и хлопнул, от досады на самого себя, дверью. Дверь, как ему показалось, отрезала его отчего-то чистого и правильного навсегда. Махнув на всё рукой, и стараясь забыть это всё, как сон, он вернулся в свой кабинет. Где-то в глубине его «белой сферы», мелькнуло что-то интересное и важное, а главное он понял, что с этим «интересным» он сможет понять весь тот бред прошлой ночи. Информационное поле уже не отпускало его, крепко держа в своих объятиях.

Где-то через час, позвонил Ерёма и назначил встречу в условленном месте. Настроение понемногу стало возвращаться к нему, и Виктор понёсся, сидя в служебной машине на встречу со своим осведомителем. На лавочке в парке Горького Ерёма, одетый в какое-то рваньё, оглядывался по сторонам, будто ожидал своего очередного задержания. От него несло тухлятиной, вперемежку со стойким запахом сивухи. Виктор сел рядом, воротя голову от нестерпимого амбре.

– Ты на свалке ночевал, что ли? Несёт от тебя, как от мусорного бака.

Ерёма усмехнулся в ответ.

– После твоих заданий ещё и не так другой раз воняет. Хотя у вас в ментовке воняет и почище.

– Следи за базаром лишенец, а то вонять будешь совсем по-другому.

Виктор сразу осадил спесивого агента. Тому нельзя было давать воли ни в выражениях, ни в действиях, чтобы не почувствовал своей инициативы. Мужик был резким и непредсказуемым, как и все отмороженные убийцы. Только на коротком поводке и никак иначе. Ерёма знал за собой грешок и понимал, что Виктору стоит только поднять палец, и он будет сидеть лет пять это в лучшем случае. Прокашлявшись в кулак и осмотревшись по сторонам, Ерёма тихо произнёс:

– Кривого твоего видели у цыган на хуторе за городом.

– Откуда эта информация? – Виктор чуть не взлетел с лавки, но сдержался. – Не сам ли часом придумал, чтобы отмазаться.

Ерёма обиделся и отвернулся в сторону.

– Сегодня с утра на рынке Чалкаша встретил. Он у их барона вроде водителя – охранника. Ездили по родственникам куда-то к морю. Наверняка за очередной партией дури. Говорил, что у сестры барона ночует уже вторую неделю Кривой. То ли сестра приглянулась, то ли на дно там залёг.

– Вот, значит, как? Что ещё Чалкаш говорит?

Ерёма возмутился.

– Тебе мало, Шилов? Что просил узнать, то и получай. Ничего другого я не знаю.

Виктор похлопал его по плечу, успокаивая.

– Хорошо, хорошо. И на том спасибо.

– Спасибо и конфеты не пью.

Время расслаживаться с уголовником у Виктора не было, и он, сунув ему сотню на поправку, чуть ли не бегом кинулся к машине. Это было уже что-то. Вернувшись в управление, он застал в кабинете Сорокина. Тот, только Виктор вошёл в кабинет, начал говорить:

– Похоже, отыскивали Сидора. На Северном, у одного барыги обитает.

– Откуда известно?

– Володя Григорьев раскопал какого-то древнего деда. По его словам Сидора видели именно там и не раз. Продавщица в магазине на Толбухина рассказала, что видела незнакомого, похожего на фото, в её магазине. Володя сейчас там крутится у магазина этого. По Кривому пока пусто. Вадик роет в этом направлении.

Виктор потёр руки, в предвкушении задержания этих двух гавриков.

– Хорошо. Уже хорошо. Вызывай всех сюда, кроме Григорьева. Поедем Кривого брать.

Сорокин удивился такому совпадению.

– Не уж-то нарисовался? И где?

– У цыган он. На Шубниковом хуторе.

– Кажется, сдвинулось всё с мёртвой точки, а командир?

– Не говори гоп, а то сам знаешь.

Задержание Кривоева – Кривого на цыганском хуторе прошло обыденно, без каких либо эксцессов, за исключением того, что когда Виктор с оперативниками зашли в дом, в котором должен был находиться сам Кривой, невесть откуда, дом мгновенно наполнился детьми разных лет и женщинами. Они, словно тараканы выползали со всех углов и что-то лопотали на своём непонятном языке, хватая постоянно оперативников за руки и за ноги. Создавалось ощущение, что задерживали сейчас их самих. Вадик Пирогов, отбиваясь от насевавшей на него детворы, крикнул громко на весь дом:

– Караул, окружают!

То ли испугавшись его громкого голоса, то ли поверив ему на слово, что дом действительно окружают, маленькие тараканы мгновенно исчезли из поля зрения. Кривой лежал на кровати, погружённый в мягкие перины и смотрел телевизор. Когда группа захвата предстала перед его глазами, Кривой даже не удивился, будто ожидал их уже несколько дней.

– Не уж-то за мной, начальник? – Кривой выпустил из ноздрей две мощные струи дыма и загасил окурки «примы» в чайном блюде. – Не убивал я Натали, мамой клянусь.

– Чего тогда хоронишься? – Виктор вплотную подошёл к кровати и взял запястье Кривого в жёсткий захват. – Пришёл бы к нам. Посидели, поговорили по-человечески.

– Ну да. Потом по-человечески лет на десять в Сибирь.

Он скривился от боли, когда, Виктор выкручивал ему руку назад и надевал наручники.

– Если не виноват, отпустили бы на все четыре стороны.

– Так я и так не при делах.

– Время покажет. – Пирогов с Сорокиным подняли Кривого с кровати и под дружные причитания многочисленных домашних приживалок, повели его на выход. – Посидишь, пока, подумаешь.

Кривой усмехнулся.

– Мне, начальник, думать уже нечем. В ваших же застенках все мозги выбили. Так что думать вам самим придётся. Суток трое, я полагаю, вам хватит?

Сорокин толкнул его в спину, придавая ему необходимое ускорение.

– Справимся гораздо раньше. Ты уж не сомневайся.

Отправив «цыганского барона» в КПЗ, все собрались в кабинете. Настроение у всех кроме Виктора было приподнятое. Ребята дружно шутили и посмеивались над собственными шутками. Однако день ещё не закончился и неожиданные сюрпризы не переставали собой радовать весь убойный отдел, проявляясь в самых неожиданных вариантах. Как только все расселись по своим рабочим местам, в кабинет зашёл улыбающийся Григорьев. Виктор строго на него посмотрел и не менее строго спросил:

– Почему пост наблюдения оставил? Что с Сидором?

Володя улыбался, словно именинник.

– Сидор уже доставлен мной в КПЗ и находится там уже несколько минут.

Это была настоящая удача.

– Ты его что? – Сорокин восхищенными глазами смотрел на товарища. – Сам задержал?

Григорьев скромно повёл плечом и опустил глаза долу. Ни дать ни взять сама застенчивость и скромность.

– Ну да. Сам.

– Почему нас не вызвал на усиление? – Плохое настроение начальника давало себя знать. – Сидор не слабак, и разыскиваем мы его за возможное убийство, а не за кражу.

– Да он сам ко мне подошёл. Говорит, что узнал, что его разыскивают, и решил сам сдаться. Я его без наручников привёл. По дороге клялся и божился, что это не он Пушкарёву замочил.

– Ладно. Доставил и доставил. – Виктор сменил гнев на милость и уже более спокойным голосом спросил у Григорьева:

– Ты хоть догадался их вместе не садить? Я имею в виду Кривого и Сидора.

– Само собой. Это же прописная истина – не садить вместе фигурантов по одному делу.

– Добро. – Виктор опять нахмурил лоб. Нехорошее предчувствие не покидало его ни на минуту. – Теперь в течение завтрашнего и сегодняшнего дня мы должны установить истинного убийцу Пушкарёвой. Всего-то ничего.

Толик Власов поднялся из-за стола и подошёл к Виктору.

– Шилов. На тебе лица нет. Может, объяснишь, что происходит?

Виктор махнул куда-то в сторону рукой и отвернулся к окну.

– То, что задержали Кривого и Сидора – хорошо. Но скажите мне люди добрые, что мы им предъявлять будем? Эти двое, урки тёртые. И если вы сами заметили, дали себя взять, как ни в чём не бывало. Они уверены оба, что нам им предъявить нечего. Вернее знает один, а второй

и так знает, что невиновен. А потому, пока не найдём самую главную улику – развалятся наши обвинения им, как карточный домик.

– Что делать будем, командир?

– Искать нож! Вот самая главная улика, которая припрёт к стене одного из них!

Вадик Пирогов вздохнул так уныло, что от хорошего настроения не осталось и следа.

– Искали уж. Всё перерыли, что можно.

– Значит не всё. – Виктор ударил ладонью по столу. – Отправляйтесь в адрес. Ищите нож. Ковыряйте стены и вскрывайте полы. Нож завтра должен лежать у меня на столе!

– Понятно. – Сорокин поднялся из-за стола. – Чего сидим? Чего ждём? Приказ слышали?

Ребята нехотя поднимались со стульев и уже без улыбок покидали кабинет.

Оставшись один, Виктор хотел было навеститься к Анечке, но передумал. Говорить об информационном поле не хотелось, а хвастаться мимолётными успехами был не приучен. Тяжко вздохнув, он поднял телефонную трубку и велел дежурному привести к нему Кривого для беседы. Проговорив с обеими уголовниками более трёх часов, Виктор так и не выявил для себя ничего нового. Алиби каждого из них, казались безупречными. Но это лишь на первый взгляд. Всё, что наговорили ему Сидор с Кривым, нужно было тщательно перепроверять, на что должен был уйти весь завтрашний день. Время сдавило его словно тиски. Виктор задыхался в этих тисках, суматошно дёргая руками и ногами, чтобы освободить хоть какую часть тела из их смертельного захвата. Это было важно. Пока хоть что-то работает и находится на свободе – он не проиграет этой схватки. Пусть не поднимаются руки и скованы невидимыми цепями ноги, но остаётся свободной голова. Нужно думать. Крепко думать. Неожиданно пришло умиротворение и спокойствие. Кто-то голосом Анечки шептал ему в ухо какие-то приятные слова, от которых становилось легко и спокойно. Тело расслабилось, освободив давление скрученной до предела пружины, и приятное тепло разлилось по всем мышцам. В голове образовалась спасительная пустота, которая накрыла его с ног до головы словно куполом. Незаметно короткий осенний день сменился вечерними сумерками, и взглянув на часы, Виктор с сожалением снял с себя этот купол и стал собираться домой.

4

За его отсутствие в квартирке, где он проживал, ничего не изменилось. А что, собственно должно измениться там, где никого нет? Только живое существо может прямо или косвенно влиять на всё материальное в этом мире. А на что тогда может влиять неживое? Встряхнув головой, прогоняя дурацкие мысли, водрузил на стол пакет с продуктами, которые купил в магазине по пути домой. Из всех изысков современной кухни, самым привлекательным в пакете оказались пол палки «Тавровской» варёнки, пачкапельменей и два десятка куриных яиц. Упаковку чая, хлебный батон и пачку масла можно было отнести к разряду если не повседневных, то, по крайней мере, необходимых продуктов для депутатской потребительской корзины, которую те стеснительно навязывали народу из года в год и разводили при этом руками, дескать, а что вы ещё хотели? Покрутив в руках пачкупельменей, Виктор вздохнул и отправил её в морозильную камеру. Вспомнились слова отца, чтопельмени без водки – это всего лишь вареники с мясом. Вареников не хотелось, и потому круг разносолов сузился до варёнки и яиц. Поставив сковороду на огонь, и разогрев её как следует, Виктор положил на неё кусок масла. Когда масло, зашипев, растаяло, он высыпал в неё из тарелки нарезанную заранее колбасу и всё это забил тремя яйцами. Тут же налил из закипевшего чайника кипяток в большую чашку. На чашке был нарисован смешной сержант в огромной фуражке с болтающимся где-то внизу выпуклого живота автоматом и надписью «Защитнику Отечества». Кинув внутрь «защитника» пакетик чая, Виктор снял с полки контейнер, где хранился сахар, но задержал его в воздухе. Немного подумав, отправил контейнер на место. Рядом с сахаром стояла початая банка мёда. Он вывалил в чашку с чаем две полные ложки майского мёда и тщательно размешал. Выключив огонь на плите, Виктор переложил готовую и приятно пахнущую яичницу с колбасой в тарелку и подал её сам себе на стол. «Кушать подано. Садитесь жрать пожалуйста». Когда весь ужин переключался к нему в желудок, Виктор убрал тарелку и чашку в мойку. Мыть всё это не хотелось. Опять пришли на ум размышления о живом и неживом. Если живое по каким-то причинам не хочет или не может, то почему бы не помыть грязную посуду неким потусторонним силам. Вот так вот просто щёлкнуть пальцами и произнести заветное: «Двое из ларца, одинаковых с лица! Помойте быстренько посуду!». На всякий случай он так и сделал. Чем чёрт не шутит. После ужина захотелось одного – лечь поскорее в кровать. Усталость навалилась всем своим расплывчатым огромным телом, вдавливая его в жёсткий ортопедический матрац. Тут же мышцы всего организма приятно закололи миллионами маленьких иголочек, а веки сами опустились, затворяя ночные ставни до первых петухов. Как только приятная нега коснулась «белого вещества», словно по команде перед его мысленным взором выпрыгнули уже порядком надоевшие образы Кривого и Сидора. Виктор в полной тишине, абстрагировавшись «закрытыми ставнями» от внешнего мира, пытался анализировать ход допроса этих двоих подозреваемых по делу Пушкарёвой. Если Кривой держался спокойно и уверенно, то Сидор дёргался по всякому поводу, отводил постоянно взгляд в сторону и ёрзал на стуле. Его алиби – проездной билет в пригородной электричке, ещё предстояло проверить на подлинность, как собственно и здоровье родителей, к которым он на ней ездил в Покровку. Однако, его поведение во время допроса ещё не показатель. Виктор прекрасно понимал, с кем имеет дело. Эти двое могли принимать любые облики, преследуя одну цель – свободу. Свободу любой ценой. Кривой дымя сигаретой, изредка кидал на Виктора быстрые, как молнии взгляды. О том, что Натали убита, он не знал, а то, что перебрался в цыганский хутор, объяснял просто – кровь цыганская ему покоя не даёт. Тянет к родне от случая к случаю. Там в таборе, он отдыхает от всего мира душой и телом. Последняя его встреча с Натали была для него завершающим аккордом. В ту последнюю встречу они договорились, что Кривой больше не будет к ней приходить и забудет свою давнюю любовь на веки вечные. Это Натали объяснила ему тем, что,

наконец, встретила человека, с которым решила соединить свою судьбу навсегда, а его хочет просто забыть. Кривой дал ей слово, что больше не объявится в её жизни и пропал на хуторе, залечивая душевную рану. Ещё он говорил о каком-то колечке, подаренном якобы женихом Натали. Колечко было не из простых и тянуло тон на десять баксов. Она при нём спрятала его в одном месте, которое Кривой запомнил и готов показать это место гражданину начальнику при условии, что тот его немедленно отпустит обратно в табор. Во время осмотра никакого кольца на Пушкарёвой обнаружено не было, хотя это кольцо могло послужить причиной убийства. Виктор долго колебался вести Кривого в адрес или нет. Перевесило то, что в деле появилась улика, отмахнуться от которой он не имел права. Его ребята как раз находились там, и это было Виктору на руку. Он поднялся из-за стола и подошёл к Кривому.

– Хорошо. Допустим, я тебе поверил. Мы поедем в адрес, но если попытаешься по дороге скрыться, – Виктор демонстративно достал из наплечной кобуры «макаров» и передёрнул затвор, – стрелять буду на поражение.

Кривой неподдельно обрадовался и провёл по своему горлу грязным пальцем.

– Век воли не видать, начальник. Мамой клянусь – колечко в надёжном месте лежит.

Виктор вывел его на улицу и осмотрелся по сторонам в поисках дежурного автомобиля. Ни одного свободного автомобиля не нашлось, и он уже хотел вести Кривого назад, как к нему подкатил непонятно откуда взявшийся старенький «виллис» времён Великой Отечественной. Выбирать было не с чего, и он подтолкнул Кривого к машине.

– Запрыгивай живей.

– Однако у вас и транспорт. – Кривой не спеша полез на заднее сидение. – Знал что менты не богатая организация, но чтоб на столько...

Он не успел закончить фразу, как получил ощутимое ускорение в нижнюю часть спины и головой упёрся в жёсткое сидение.

– Гони на Чехова 60. – Виктор хлопнул по плечу водителя. – Там сейчас бригада работает.

– Не извольте беспокоиться, – услышал он в ответ тонкий женоподобный голосок, – домчим в пять секунд.

Виллис сорвался с места, и его тут же затрясло, будто он попал на брусчатку. Говорить при такой тряске было невозможно, и Виктор молча осматривал проезжающие окрестности. Кривого рядом трясло так, что казалось из него вот – вот вылетит душа. Когда повернули за угол, тряска несколько поубавилась и все находящиеся в машине перевели дух. Как-то незаметно исчезли из поля зрения многоэтажки и с двух сторон потянулись небольшие частные дома зачастую какие-то перекошенные с покосившимися заборчиками и палисадниками. Машина явно ехала не туда, куда приказал Виктор. Это была явная подстава.

– А ну, стой! – Виктор выхватил пистолет и приставил его к спине водителя. – Стой! Стрелять буду!

Водитель резко затормозил и повернул к нему своё улыбающееся лицо.

– Шилов, меня нельзя убить. Меня уже убили.

Холодный пот медленно начал стекать у него по спине, между лопаток. Дикий хохот взорвал тишину старого города. Виктор вздрогнул. Кокетливо улыбаясь прямо в его лицо, Натали грозила ему своим пальчиком, на котором красовался невиданной красоты бриллиант в золотой оправе.

– Возьми меня лучше замуж, Шилов. Я теперь богатая невеста. Не пожалеешь.

Её хохот резал ему уши, а по всему телу то и дело пробежала мелкая противная дрожь. Уклонившись от её тянущихся рук, Виктор повернул голову туда, где должен был находиться Кривой. Так и знал! Его место было пусто, а самого Кривого и след простыл. Сбежал, гад. Распахнув ногой дверцу, он выбрался наружу, а старый виллис, обдав его клубами отработанных газов, рванул вперёд, увозя с собой хохот давно убитой женщины.

Осмотревшись по сторонам, Виктор с ужасом для себя представил Полканыча, стучащего по столу огромным кулаком и понял, что не просто провалил дело, а ещё дал возможность сбежать опасному преступнику. Кривой просто провёл его, как школьника, заранее сговорившись с Пушкарёвой. Нужно немедленно собирать ребят и по горячему следу опять задерживать сбежавшего уголовника. Пошарив по карманам пиджака, он издал тихий стон разочарования. Мобильника в карманах не оказалось. Точно Кривой вытащил пока он пялился на Натали и на её колечко. Сориентировавшись на местности, Виктор направился в сторону улицы Чехова к дому, в котором проживала Пушкарёва. Узкие переулочки из частных домов то разбегались в стороны, то сужались до размеров тротуара, образуя непонятные тупики. Через некоторое время, Виктор понял, что попал в городской лабиринт и выбраться из него не в силах. Он кружил по косым переулкам и натёкался на дома, которые уже проходил ранее, а когда сворачивал на незнакомые ему улицы, то те уводили его либо в сторону, либо возвращали назад – к тому месту, откуда он начинал свой путь. В очередной раз, оказавшись в исходном месте, Виктор от собственного бессилия что-либо изменить в данной ситуации и усталости уселся прямо на тротуар и обхватил голову руками. Попытавшись остановить кружево мыслей в своей голове, сотканное из липкого страха, разочарования в собственных силах и полного не понимания данной ситуации, он сосредоточился только на одном – на искомом адресе. Ему сейчас нужна была, как глоток чистой воды, улица Чехова и дом номер 60. Глубоко внутри себя он понимал, что эта улица где-то совсем рядом. Стоит только завернуть за нужный ему угол, и она появится перед ним тут же, словно из тумана. Тумана как раз ему только и не хватало. Время шло, а он всё сидел на холодном тротуаре и качался из стороны в сторону, будто маятник от напольных часов. Вправо – влево, вправо – влево. Неожиданно Виктор прекратил свои качания. Мелькнувшая в голове мысль, несколько обнадежила и придала бодрости усталому телу. Если нет пути ни вправо, ни влево, ни вперёд, ни назад, тогда остаётся только одно направление – вверх! Виктор осторожно поднял глаза к свинцовому небу. Странно, но на нём тоже ничего не было. Не было ни указателя, ни какого захудалого знака. Серая пелена круговоротом носилась по кругу, предвещая не то тайфун, не то смерч. Периодически серые клочья разрывались, то обнажая какие-то фантастические пейзажи, то показывая краешек жёлтой стеснительной луны. Засмотревшись на её блёклый завораживающий свет, Виктор вдруг увидел. Увидел именно то, что искал! Это был дом номер 60 по улице Чехова! Вид, правда, он имел странноватый и напоминал скорее не дом, а высокую колокольню, но Виктор точно знал, что это тот дом, который ему нужен. Вскочив с тротуара, он как ветер понёсся к увиденной им башне. С каждым шагом башня приближалась к нему, словно живая. Будто она сама вприпрыжку бежала к нему, счастливая от того, что увидела его. Вблизи башня оказалась всё же колокольней с высокой надстройкой, на которой болтался одинокий колокол средней величины. Это по сути ничего не меняло, и Виктор вихрем влетел в единственную входную дверь этой колокольни. Захлопывая за собой расшатанную дверь, он успел заметить старенький виллис, припаркованный невдалеке от колокольни. Радости от увиденного стало столько, что расширившаяся грудь с трудом уместилась на узкой лестничной клетке.

– Вот вы где голубки? – Виктор прыгал через две ступени, в душе потирая от удовольствия неожиданной встречи, руки. – Сейчас я вас всех тут и накрою. Дыхания стало не хватать, и он сбавил темп подъёма. Накопившаяся за день усталость давала о себе знать. Где-то на полпути Виктор всё же остановился, тяжело дыша. Восстанавливая дыхание, он прислушивался к звукам исходившим сверху. Отдышавшись и набравшись новых сил, Виктор, было уже поднял ногу, переноса её на очередную ступеньку, но что-то почуяв, поставил её обратно. Он почуял опасность! Как матерый зверь он внюхивался в окружающее его пространство, пытаясь определить, откуда она исходит. Опасность исходила откуда-то снизу, а не сверху, как он предполагал. Кто-то чужой крался за ним по ступеням колокольни, выжидая удобный для себя момент. Затаившись на лестничном пролёте, Виктор сжал рукоять «макарова» и приготовился

к встрече с неизвестным. Ждать пришлось не долго. Он скорее почувствовал, чем увидел, крадущуюся в полумраке колокольни тень. Когда неизвестный вышел на видное место, освещаемое бледным светом луны и поднял свою голову вверх, Виктор чуть не вскрикнул от удивления. На один пролёт снизу от него стоял весь заросший волосами живой объект и улыбаясь во всё своё свиное рыло, помахивал белым платком. Самый натуральный чёрт с копытами на ногах, весь в жёсткой серой щетине и свиным пятак, смотрел на него, как на старого знакомого и скалил в улыбке свои жёлтые крупные зубы.

– А ну, стой бесовская рожа! Я узнал тебя! – Голос у Виктора почему-то сел, и грозная команда прозвучала, как приглашение к столу. – Ты зачем здесь? Я тебя не звал.

Бесовская рожа что-то хрюкнула в ответ, оставаясь на почтительном расстоянии, и подняла вверх белый платок, словно сдаваясь в плен.

– Тебе чего нужно?

Слова упали как в колодец, издав глухое эхо. Чёрт молчал и пятился назад, помахивая своим платком. Зайдя в тень пролёта, он остановился и затих. Час от часу не легче. Виктор поднял голову вверх. Единственная дверь на колокольне была уже совсем рядом. Он различал даже овальный номер с цифрой 60. Стоять и ждать невесть чего в его планы не входило, и Виктор бросился наверх к заветной двери. Проскочив несколько пролётов, он с разбегу что есть силы, ударил ногой в незапертую дверь и влетел в освещённый коридор, как камень, выпущенный из пращи. Стена напротив погасила инерцию движения и остановила сыщика. В квартире было тихо. Прислушавшись к этой тишине, Виктор всё же услышал лёгкий скрежет со стороны кухни. Тихо ступая, на носочках, чтобы раньше времени не потревожить сладкую парочку, он подкрался к дверному проёму комнаты. Постояв секунду за прикрытой дверцей, резко толкнул её от себя и ворвался в комнату с «макрovým» наперевес. Хотел на ходу крикнуть дежурное: «Всем стоять! Полиция!», но слова некстати застряли в горле. Он так и остался стоять у двери с выставленным вперёд пистолетом. Справа от него в луже собственной крови, лежала Пушкарёва – Натали, а спиной к нему сидя на корточках, возился у мойки неизвестный. Это был не Кривой. Виктор попытался сделать шаг вперёд, но невидимая стена, удержала его на месте. Что-то мешало ему двигаться и говорить. Тут он был только наблюдателем. Его никто не слышал и не видел, за исключением, появившегося в дверном проёме, наглого чёрта с платком в руке. Чёрт скалил свои жёлтые зубы и улыбался, сжимая пятак в гармошку. Белый платок, как заводной, прыгал слева направо, вытирая невидимое стекло. Виктор опять перевёл взгляд на знакомую спину. Неожиданно согнутая спина начала выпрямляться и из-под правой руки появилась курчавая голова преступника. Виктор сжался от нетерпения увидеть его лицо и даже перестал обращать внимание на пляшущего с платком чёрта. Лицо медленно поворачивалось и в какой-то момент Виктор, наконец, узнал убийцу! Он его узнал наверняка, но в этот момент прогремел колокол на верхней звоннице. Уши заложило от нестерпимого грохота, и Виктор тут же прикрыл их руками. Чёрт бесновался, с невероятной скоростью размахивая своим платком. Последующий удар колокола, свалил Виктора на пол и тот сильно ударился локтём о край кухонного стола.

В голове продолжало звенеть даже после того, как Виктор нажал на кнопку будильника, останавливая его мощные куранты. Открыв глаза, он обнаружил себя лежащим на полу в неестественной позе. Локоть правой руки ныл от удара о прикроватную тумбочку, а голова гудела, будто с похмелья. Такого пробуждения Виктор на своём веку ещё не испытывал. Ощущение было таким, словно закончился третий раунд боксёрского поединка с превосходящим его по силам противником. Судя по самочувствию, этот бой он проиграл вчистую. Без особого энтузиазма Виктор принял тёплый душ и выпил чашку крепкого кофе. По дороге в управление он пытался вспомнить детали своего ночного кошмара, но у него ничего не получалось. Какие-то обрывки не связанные между собой, хороводом носились у него в голове. Чётко вспоминалось только кольцо, башня, спина убийцы и отвратительная рожа не то свиньи, не то какого-

то героя из американских мультиков для маленьких детей. Такого провала памяти у него ещё не случалось.

Подчинённые то же встретили его без особой ласки, сразу с порога объявив, что в квартире убиенной Натали ничего не обнаружили. Сорокин как всегда что-то чертил в своём блокноте, а остальные с тревогой поглядывая на своего начальника, даже не делали вида занятостью работой. Оно и понятно. Наступил, по сути, день подведения итогов и раздачи слонов по заслугам. Виктор обвёл взглядом свою гвардию. Жаль будет расставаться с ребятами. В общем-то толковые и расторопные опера – не чета другим. Если бы предложили вновь сформировать отдел, то Виктор не сомневаясь взял бы их всех. Будто понимая его с полуслова, на него виновато смотрели несколько пар глаз. Ну что ж? Вот и началась для всего отдела жирная чёрная полоса и эти пытливые глаза его оперов сейчас спрашивали у него, когда она закончится. Виктор не знал ответа на их вопрос и не в силах больше терпеть это напряжённое безмолвие, вышел из кабинета и направился к своим сидельцам. По внешнему виду Сидора, он сразу понял, что разговора у них не будет. Отрешённый от всего мира Сидор сидел у стены на корточках и тупо смотрел в маленькое решётчатое оконце. Это был своего рода протест всему и вся. Кривой в отличие от Сидора сразу подошёл к Виктору с вопросом:

– Начальник, я долго ещё сидеть тут буду? На мне ведь вины нет. За что держишь?

Виктор внимательно посмотрел в наглые цыганские глаза и усмехнулся.

– Без вины у нас не сидят. Вот если бы ты растолковал мне про одну вещицу, то, возможно, я тебя бы сразу и отпустил на волю.

Кривой на лету схватил брошенное ему предложение.

– Что за вещица? Если знаю, то расскажу. Спрашивай начальник.

Они сидели вдвоём в маленькой допросной друг напротив друга и сверлили друг друга глазами. Каждый хотел получить своё и не прогадать при раздаче. Слово было сказано, и настала теперь очередь дела.

– Что за вещица-то? – Кривой старался быть расслабленным, что бы показать свою непричастность, но бегающие глаза, выдавали его с головой. – Не тяни kota за хвост, начальник. Я уже лишние пять минут тут сижу и всё по твоей воле.

– Заткнись и не ной! – Виктору надоел этот цыганский балаган. – Расскажешь мне про колечко. Колечко Натали.

Было видно, как напрягся Кривой.

– Какое колечко?

– Ты плохо слышишь?

– Не знаю я ни про какое колечко.

Виктор поднялся с прикрученного к полу табурета и направился к двери.

– Ну, не знаешь, так не знаешь.

– погоди, начальник. Боюсь, как бы ты меня самого к этому колечку не привязал. Тогда кранты. – Кривой понял, что свобода начинает от него ускользать. – Показывала мне Натаха одно колечко. Не знаю только, то это или нет? Если бы ты мне его показал?

Виктор вернулся к столу и ударил по нему кулаком.

– Хватит паясничать! Прекрасно знаешь, о каком кольце речь! Расскажешь – свидетелем пойдёшь. Это я тебе обещаю, если вины твоей там нет. – Виктор сам толком не знал, чего хочет от Кривого, но решил не показывать ему этого и ковать железо пока горячо. – Её из-за кольца убили? Говори!

Кривой как-то весь сжался и сощурил глаза.

– А ты откуда про кольцо-то знаешь? Не уж-то нашёл его?

– Откуда про то знаю, не твоя забота и прекрати мне задавать вопросы!

Кривой пожал плечами и обиженно отвернулся в сторону.

– Воля твоя, начальник. Только колечко это Натали мне сама показывала.

– Откуда у неё кольцо это?

Кривой каждый раз перед ответом пожимал плечами, будто у него начался нервный тик.

– Хахаль подарил.

– Кто такой?

– Она не говорила. Говорила только, что у неё с ним всё серьёзно и колечко это обручальное.

– А чего она от тебя хотела?

– Хотела, чтобы я забыл её и не ходил к ней больше.

– А ты что?

– А что я? Девка она ладная. – Он сделал паузу. – Была. Только ведь верёвками к себе не привяжешь. Ну, полюбила другого. С кем не бывает?

– А как Сидор к этому отнёсся?

– К чему?

– К её грядущему замужеству.

– Так-то его дело. Я в их дела не лезу.

Виктор оторопел. Кривой говорил о Натали и Сидоре, как о чужих людях. Что ж это за отношения такие пошли? Натали, конечно, блядь знатная, но с душой. Всё по уму и сердцу разруливала. Разрулила.

– Опиши мне, то колечко.

– Да чего его описывать? Кольцо как кольцо. Старинное, правда. Не «новодел» дешёвый. Камешек крупный.

– Бриллиант?

– Ну да. Бриллиант. Сейчас таких не делают.

– Узнаешь, если покажу?

– Обижаешь, начальник. Такое узнаю сразу.

– Вот и ладненько. – Виктор направился к двери, вызывая дежурного. – Отпущу тебя, как и обещал, но под подписку. Чтобы с хутора ни ногой! Понял?

Кривой растёкся в улыбке при слове подписка.

– А говорили, что тебе, Шилов верить нельзя?

– Кто говорил?

– Дураки говорили. Теперь я сам убедился, что ты начальник правильный и дело с тобой иметь можно. Скажи только, откуда про кольцо узнал? Натаха на этот счёт щепетильной была и кому не надо его бы не показывала.

Виктор махнул рукой, отсекая блатные понятия, и чуть ли не бегом кинулся в свой кабинет. Про сон ему рассказать, что ли? Или про информационное поле? Виктор остановился у кабинета Анечки, но передумал открывать дверь. Было немного стыдно за своё прошлое поведение. Причём здесь она? Сам втянул её в это дело, потом накричал на неё, да ещё и нахамил. Решил всё же попросить у неё прощения, но чуть позже. Сам обрадовался такой идее и уже в приподнятом настроении вошёл в свой кабинет. В кабинете царила рабочая «суматоха». Пирогов с Григорьевым резались в морской бой, Власов, закусив нижнюю губу, интенсивно нажимал Enter, постоянно меняя девайсы, а Сорокин как всегда занимался черчением в своём потрёпанном блокноте. По всей видимости, ребята смирились со своей участью и переходом в отряд ППЭСников.

– Отставить пораженческие настроения! – Твёрдым и властным голосом, Виктор попытался вернуть своим ребятам рабочий настрой. – Сегодня отрабатываем один интересный вещдок.

Сорокин нехотя оторвался от своего блокнота.

– Это что-то вроде ещё одного мифического ножа в квартире Пушкарёвой?

– Отставить иронию. Искать будем колечко.

– Вот те раз. – Власов ещё раз нажал на нужную клавишу компьютера, скривился и поднял глаза на своего начальника. – Откуда выплыло колечко?

– Долго объяснять.

Виктор совсем не собирался пересказывать своим операм свой сон и сразу стал давать указания:

– Каждый из вас возьмёт по одному району города и прочешет все скупки, ювелирные, ломбарды. В обязательном порядке взять в разработку всех скупщиков краденого. Следует иметь в виду, что колечко дорогое и купить его может не всякий.

– Да что, за кольцо-то? Толком можешь объяснить?

– Видимо, бриллиант средних размеров в золотой оправе. Если попадётся любое похожее – сразу звоните мне.

– Ну, это мы запросто. – Сорокин поднялся из-за стола. – Нам не привыкать идти туда, не знаю, куда и приносить то, не знаю что.

Виктор развёл руками.

– Тогда и уговаривать вас не имеет смысла. – Он задержал всех у входной двери и с надеждой в голосе сказал:

– Ребята, это последний шанс. Найдём колечко – выйдем на убийцу.

По лицам ребят было видно, что они мало верят в такую перспективу. Для приличия, покивав головами, они скрылись за дверью. Виктор остался один на один со своими невесёлыми мыслями. Сорокин как всегда прав. Призрачное кольцо, возможно, существует на самом деле, но это всего лишь миф. Оно появилось из его сна, а откровения Кривого могут вполне оказаться очередной его ложью ради свободы. Пусть и ограниченной. Но на воле, он может залечь на дно в другом месте и тогда его уже никто не найдёт. Виктор понимал, что делает ошибку за ошибкой, но успокаивал себя тем, что другого выхода у него сейчас нет. Пока ребята ищут это кольцо, нужно раскручивать Сидора. Этот отказник наверняка что-то должен знать. Нужно заставить его разговориться. Но, как? Вариантов пока не было.

– Ладно, – сказал он сам себе вслух, – вяжемся в бой, а там видно будет.

Рука потянулась к трубке внутреннего телефона, но так её и не коснулась. В этот момент дверь открылась, и на пороге кабинета он увидел Анну Сергеевну. От такого неожиданного визита, Виктор привстал с места и попытался что-то сказать, сопровождая свою речь обильной жестикуляцией. В ответ Анна Сергеевна улыбнулась и произнесла:

– Здравствуй, Шилов. Вижу, что рад встрече, но вообще-то я думала, что ты сам зайдёшь ко мне.

Виктор, не зная, что ответить, тут же кивнул головой.

– Это как нужно понимать? – Анечка вошла в кабинет и устроилась на стуле напротив. – Ты действительно рад мне или всё же собирался зайти, но так и не зашёл?

Виктор улыбнулся, понимая, как он сейчас глупо выглядит и опустился на стул.

– Здравствуй Анна Сер... Аня. Я действительно рад, что ты нашла время заглянуть ко мне, хотя я и сам собирался к тебе зайти. – Он с шумом выдохнул оставшийся в лёгких воздух и тут же добавил: – Но чуть позже.

– Это уже радует и обнадеживает.

Виктор робко поднял на неё глаза, и смущаясь сказал:

– Ты извини меня за прошлый визит. Нервы в последнее время ни к чёрту.

Анечка понимающе кивнула своей прелестной головкой.

– Да всё я понимаю, потому сама и пришла. – Она обвела взглядом пустой кабинет. – В коридорах шепчутся, что ты своих совсем загонял. Покоя от тебя никому нет, Шилов.

– Это не моя прихоть. Знаешь ли, есть такое понятие, как работа.

– Не обижайся. Из-за этой работы ты стал колючий и совсем не воспринимаешь окружающих тебя людей. Кофе угостишь?

Неожиданная смена акцентов несколько выбила Виктора из колеи, но он тут же взял себя в руки и пошёл к столу Вадика Пирогова, на котором стоял электрочайник. Налив в него воду, он включил его в сеть и достал из шкафчика банку растворимого кофе и коробку с сахаром. Пока вскипала вода в чайнике, он насыпал по две ложки кофе и столько же сахара в чашки.

– Ты по делу или...

Анечка подхватила его незаконченную фразу:

– Или то же, но в основном по делу. Я, Шилов, в отличие от многих, стараюсь заходить в чужие кабинеты исключительно по делу.

Виктор поставил перед ней чашку с дымящимся кофе и сел на своё место.

– И какое же дело привело тебя ко мне?

Анечка пригубила горячий напиток.

– А у нас с тобой одно сейчас дело на двоих, если ты не забыл.

Это был уже вызов. В душе проклиная себя за слабохарактерность, Виктор оценил её благородство. После того, как он нагрубил женщине, по сути, из-за своей мифической увлечённости, она же не ответила ничем на его грубость. Мало того, Анечка ещё и подняла с пола брошенную его надежду и принесла её ему с видом случайно утерянной вещи. Это был поступок. Только сейчас Виктор понял, как сам увяз в своей идее и та не то, что не отпускала его, она предлагала ему себя со всех немыслимых сторон, о которых он сам и думать не мог.

– Нет, не забыл.

– Тогда расскажи, что ты видел прошлой ночью. – Анечка удобнее устроилась на стуле, не сводя глаз с Виктора, – Я интересуюсь этим не из праздного любопытства.

– Да видишь ли, – Он развёл руки в стороны, показывая тем, что информации за последнюю ночь скопилось не так уж и много. – Особо говорить нечего. Моя память как бы разделилась на две части. Одна чисто интуитивная, а другая собрана из каких-то обрывков.

– Поясни.

– Где-то внутри себя, я помню, что информации было гораздо больше. Были какие-то перемещения, разговоры. Я что-то видел и слышал. На самом деле помню только кольцо и чью-то спину. Готов побиться об заклад, что я узнал убийцу. Я видел его лицо на месте преступления, но память напрочь отшибло.

Анечка внимательно его слушала.

– Это уже результат. Возможно, ты запомнил гораздо больше, чем думаешь. Осмотрись мысленно. Ведь тебя окружали какие-то предметы. Ты обращал внимание на что-то несущественное. Не торопись и прислушайся к своей внутренней памяти. Наверняка, это отложилось где-то глубже. Вспоминай спокойно и не бойся проводить аналогии. Сравнивай и откладывая частички воспоминаний на полочки памяти. Она потом сама всё сопоставит и выдаст нужный результат.

Убаюканный её голосом, Виктор, будто опять погрузился в лёгкий сон, который плавал где-то внизу. Ему сверху так было лучше всё видно. Узкая брусчатка улицы и дым отработанных автомобильных газов. Он его скорее почувствовал, чем увидел. Ступени. Бесконечные, тянущиеся вверх ступени, внутри какой-то высокой башни. Белый платок.

– Вспомнил! – От радости Виктор подпрыгнул на стуле. – Вспомнил какую-то отвратительную рожу. Это был не человек. Это было нечто. Свиное рыло! Вот, вот. Это был чёрт!

– Чёрт?

– Да. Самый натуральный чёрт с белым платком!

– А причём тут белый платок?

– Платок, в общем-то, ни причём, но он им всё время как-то странно махал, будто вытирал этим платком невидимое стекло.

Анечка всем телом подалась вперёд к Виктору.

– Не может быть.

– Что не может быть? Чёрта не может быть?

– Не может быть, чтобы ты его видел.

– Почему? – Теперь пришёл черёд удивляться Виктору. – Что в нём такого?

Анечка на секунду задумалась, будто что-то вспоминая.

– В Хрониках Акаши косвенно упоминаются некто, кто стоят на страже информационного поля. Они, якобы, стерегут информацию от случайных посетителей и стирают им память, если те ненароком что-то увидят или услышат в потоке самого поля.

Какое-то время они сидели молча. Каждый думал о хранителях информации в образе простых чертей. Каким способом им удаётся появляться во снах и в самый нужный момент стереть всю информацию? Это было нечто запредельное для обычного понимания вещей.

– И что теперь с ним делать? – Виктор первый пришёл в себя и подал голос. – Пока он будет за мной так бегать и махать платком, то я утром не буду помнить ничего. Какой тогда во всём этом смысл?

Анечка как-то хитро прищурилась и улыбнулась.

– Не ищи смысла там, где его нет.

– А как же тогда этот хранитель? Что мне с ним делать?

– А не надо с ним ничего делать. Пусть бегают.

– Не понял.

Почему-то она заговорила шёпотом, оглядываясь по углам кабинета:

– Попробуй разговорить его.

– Кого? Чёрта?

Анечка тихо хихикнула.

– Ну да. Постарайся его чем-то отвлечь.

– Чем, например? Песенку ему спеть, или станцевать чего?

Если бы кто посторонний сейчас слышал их разговор, то звонок в психушку последовал бы незамедлительно. Типа: «Алло. У нас тут двое с чертями разговаривают. Не хотите ли присоединиться?» Двое взрослых образованных людей сидели за одним столом и тихо разрабатывали тактику отвлечения хранителя информационного поля.

– Попробуй задавать ему вопросы.

– Может сразу загадки ему загадывать?

– Может и загадки. Это нужно делать в последний момент.

– А как я узнаю, что момент последний?

– Думаю, когда он начнёт интенсивно махать платком, тогда и наступит твой момент.

Виктор схватился за голову.

– Господи! Спаси и сохрани от чертей всяких.

Анечка рассмеялась и поднялась, собираясь уходить.

– Ты сам выбрал этот путь и нечего за голову хвататься. А прошлый раз я тебе не зря про молитву говорила. Прочти перед сном – это лишним не будет.

Когда она взялась за ручку двери, Виктор её остановил.

– Аня...

Анечка обернулась и одарила его тёплой улыбкой.

– Ну что ещё, Шилов?

– Спасибо тебе за участие.

– Всё-таки вы мужики дремучий народ. И ты, Шилов не исключение.

Дверь за ней захлопнулась. Оставив в кабинете, как воспоминание, тонкий сладковатый запах манящего Kenzo. Какое-то время у Виктора ушло на то, чтобы прийти в себя. В душе он был рад, что всё так получилось с Анной. Какая она всё же молодец. Я бы так не смог. Если бы на меня просто накричали, то я бы к этому человеку месяц не подходил. А она подошла. Виктор облегчённо вздохнул и почесал указательным пальцем за ухом. Точно все мужики дремучие.

А к чему собственно политеся? Если перед тобой прямая дорога до конечной цели, то зачем идти в обход? Зачем тогда мышцы и кулаки? У мужчин на этот счёт есть своё мнение.

– Так. Стоп!

Виктор осадил сам себя, понимая, что подобная философия опять приведёт к нежелательным последствиям. Он скомандовал сам себе переключиться на другую тему, а эту закрыть с вердиктом, что мужчины и женщины люди с разных планет и вряд ли когданибудь поймут друг друга в обозримом будущем.

Минут через десять к нему в кабинет ввели Сидора. Его отрешённый взгляд и обмякшее по-стариковски тело, наводило на мысль о вселенской скорби или об угрызениях совести. Усадив его перед собой на стул, Виктор не спешил с вопросами. Сидор был не настроен на его волну, да и наплевать ему было сейчас на всё, что твориться вокруг него. Он не будет отвечать на его вопросы, хоть ты бей кулаком по столу, хоть по его голове.

– Я прекрасно понимаю тебя, Алексей. – Издалека начал Виктор. – Возможно, Натали была тебе не только любовницей, но и другом. Наверное, единственным. После её смерти у тебя никого не осталось, с кем бы ты мог вот так запросто поговорить по душам. У тебя сейчас в душе зреет коварный план мести. По твоему виду понятно, что убийца от тебя никуда не денется. Я тебя собственно и задержал для того, чтобы объяснить тебе, что месть не самый лучший способ лечить душевные раны.

Сидор неожиданно поднял пустые, безразличные ко всему глаза.

– А ты Шилов, что? Врач?

– В какой-то степени да. Я тебе и врач, и патологоанатом в одном лице. Если не будешь принимать назначенных мной пилюль, то очень скоро я буду разделять тебя на прозекторском столе.

– Не люблю пилюли с детства.

– Вот потому ты такой злой и вырос.

– Не тебе решать.

– А вот тут ты ошибаешься. Я решаю эти проблемы. Решал и буду решать! – Терпение Виктора подошло к концу. Либеральничать с вором и убийцей не было уже сил, да и времени на это у него совсем не оставалось. – Таких, как ты, нужно стричь под корень, чтобы людям жить не мешали! Смотрите, какие мы ранимые и чувственные. У меня беда, а этот со своими вопросами достаёт.

Неожиданно для самого себя, он со всей силы ударил кулаком по столу. От удара вся канцелярщина полетела на пол, а Сидор вздрогнул всем телом.

– Чего ты от меня хочешь? Я не убивал Натали.

– А я верю тебе. Но ведь и ты пойми меня. Твои родители под поезд лягут, чтобы выродить тебя, а билетом на электричку ты мог обзавестись заблаговременно. Так что нет у тебя алиби, Сидор. Нет.

Сидор шмыгнул носом и посмотрел на Виктора уже другими глазами, в которых появились зачатки жизни.

– Натали для меня была единственным человеком, с которым я мог разговаривать по душам. Она понимала меня и по-своему жалела. Она дарила мне своё тепло и верила в мою лучшую долю. Как я мог убить её?

– Сейчас расплачусь.

В глазах Сидора появились огоньки протеста. Он оживал на глазах.

– Чего ты хочешь от меня, Шилов? Хочешь, чтобы я чистуху подписал? А мне плевать! Давай протокол – всё подпишу!

– Дурак ты, Алексей. Мне не нужно твоё липовое чистосердечное признание. Мне убийцу найти нужно.

– А чем я-то помочь тебе могу?

Виктор потянулся к нему из-за стола всем телом.

– А ты расскажи про колечко. Натали не могла его тебе не показать. Ты ведь для неё был самым близким человеком.

Неожиданно глаза Сидора опять заволокла поволока и они начали потухать. Нужно было срочно его реанимировать, пока Сидор опять не ушёл в себя. Виктор быстро вскочил со стула и схватил его обеими руками за ворот рубахи. Мелкая встряска на какое-то время вернула Сидора к жизни.

– Показывала она мне кольцо. Красивое и дорогое. Только ценой этому кольцу была наша с ней разлука. Она просила меня забыть её и больше никогда не появляться в её жизни.

С последними словами, его глаза опять стали безжизненными, а тело вновь обмякло, делая его похожим на большую тряпичную куклу. Видно парень действительно её любил и с болью в душе переживал её смерть. Сейчас перед ним сидел просто разбитый горем человек. Виктор теперь встряхнул сам себя, вспоминая, что перед ним матёрый уголовник. Такие, как он, идут на всё, чтобы разжалобить следователя и тем заработать себе свободу. Хотя карманники редко совершают убийства и не носят при себе никакого оружия, ещё не факт, что они белые и пушистые. Время идёт, а люди меняются. Виктор отправил Сидора в камеру и посмотрел на часы. Как быстро летит время. От ребят звонка не было, а это означало лишь одно – не было и результата. На всякий случай, он позвонил Сорокину. Тот в это время беседовал с кем-то из очередного проверяемого им ломбарда и разговора не получилось. Вытащив из сейфа наплечную кобуру с табельным «макаровым», Виктор влез в неё, словно в сбрую и накинул на себя пиджак. Теперь настала очередь Медведя излить свою душу. Логово знатного медвежатника было известно, как и то, что из него он не выходит уже несколько дней и пьёт горькую, заливая раненую душу. На ходу, Виктор подумал о душевной ранимости преступного элемента и хрупкости их натуры. Вот уголовник пошёл – чуть что, сразу в слёзы. А он в должности воспитателя обязан им всем вытирать сопли.

Как и предполагал Виктор, Медведь в компании с одним из своих дружков пил водку, запивая её пивом и заедая всю эту термоядерную смесь солёными огурцами и вяленой рыбой. Его приходу он явно не обрадовался, но товарища тут же отправил в магазин за очередной порцией алкоголя, чтобы остаться с оперативником наедине. Из этого Виктор сделал вывод, что Медведь ещё находился в адеквате и понимал, что такие разговоры не для чужих ушей. От предложенной стопки водки Виктор тут же отказался, переходя непосредственно к делу.

– Скажи-ка мне Валера, когда ты виделся с Натали в последний раз?

Медведь откровенно удивился такому вопросу, отхлёбывая из бутылки светлое пиво.

– Так спрашивали уже. За день до её убийства это было.

– О чём вы говорили в последнюю вашу встречу, не припомнишь?

Медведь пожал плечами, разрывая крепкими зубами напополам твёрдую тарань.

– Да не помню я. О всякой ерунде говорили. О погоде, о кошках, о Галкине с Пугачёвой.

Виктор понял, что сам Медведь ничего ему о кольце не скажет и решил брать быка за рога.

– Она ни о чём тебя не просила? Может, показывала чего?

Нервы у Медведя были железные, ни чета Сидору. Он яростно жевал кусок рыбы и прихлёбывал из бутылки, а на его вопрос даже бровью не повёл.

– Может и просила, только после дня рождения кореша на следующий день, я уже ничего не помнил. Ты уж извини, начальник, с памятью у меня проблемы. В детстве с печки упал и головой сильно об пол ударился. После того, то помню, то не помню.

Медвежатник явно издевался над ним, зная, что доказать его слова не сможет ни одна экспертиза. Но Виктор был спокоен и улыбчив, а это раздражало Медведя. Чересчур он был суетлив с рыбой и пивом.

– А давай я тебе напомним.

– Давай.

– В последний день вашей встречи, Натали просила тебя забыть её и больше никогда не приходить к ней. Она говорила тебе о том, что собирается выйти замуж. Забыть такое, невозможно, даже если у тебя полная амнезия.

Медведь медленно поставил бутылку с пивом на стол и так же медленно поднял на Виктора злые глаза.

– А это, начальник, наши с ней дела. Ты в наши дела не лезь. Говорила, не говорила – не твоё это дело.

– Ошибаешься Медведь. Моё это дело, и я в него уже залез по самые уши. А с памятью у тебя всё нормально. Твою голову разве что танком можно повредить. – Виктор видел, как у его визави участилось дыхание и начало дёргаться правое веко. Поплыл. Нужно дожимать. – Ещё при этой встрече она показывала тебе одно колечко. Дорогое колечко. Это был ей подарок от жениха в день помолвки. И это колечко должно было убедить тебя в том, что у Натали серьёзные намерения.

– Ну и что?

– А из этого я делаю вывод, что ты в порыве ревности её всё-таки убил. Может из ревности, а может и из-за колечка. Уж больно дорогое-то колечко. А, Медведь? Так дело было?

Медведь неожиданно успокоился и налил себе стопку водки.

– Будь здоров начальник.

С этими словами он опрокинул её в рот, крикнул и потянулся за бутылкой пива.

– Я так тебе скажу. Всё, что ты мне сейчас тут рассказал, это сказки венского леса. Даже если я тебе во всём признаюсь, то у тебя не будет возможности это доказать в суде.

Он опрокинул бутылку горлышком вниз и вылил остатки пива в свою ненасытную топку.

– Давай так. Ты мне предьявляешь улики, а не свои выдумки, и я всё тебе рассказываю, как на духу. Если считаешь, что я виновен, то забирай, хоть сейчас, но через пять суток я буду опять здесь за этим столом опять пить пиво. – Медведь откупорил очередную бутылку и опрокинул её в рот. Когда добрая половина содержимого перетекла ему в желудок, он поставил её на стол и вытер мокрые губы рукавом рубахи. – Шилов. Я тебе как на духу, в который раз говорю – не убивал я её. А если сам найду убийца, то ты меня знаешь – живой он от меня не уйдёт. Для этого мне не нужно таскать с собой ножик. Я ему просто шею сломаю и всё.

Осмотрев грозного уголовника, Виктор понял, что так оно и будет.

– Я всё тебе сказал, Медведь. Мой тебе совет прийти с повинной. Суд учтёт ваши отношения с Натали. Сам знаешь, что повинную голову меч не сечёт.

Медведь ухмыльнулся.

– Ну да. Он её плавно отрезает.

В скверном настроении Виктор сидел за столом у себя в кабинете и нехотя «примеял рубаху» ППЭСника. По своим размерам она была то слишком ему велика, то жала под мышками. Ворот её, как ни крути, оказывался тесен ему и сильно давил на кадык. В заглазнике лежала ещё одна рубаха – изделие свободного кроя. Со стороны она выглядела привлекательнее и дороже, но сути не меняла. Весь вопрос был в том, как содрать с себя ту, которая с кожей вросла в него и сниматься никак не хотела. Дверь кабинета плавно отворилась и на пороге возникла могучая фигура главного специалиста по стаскиванию старых рубах. Полканыч, как показалось Виктору, смотрел на него глазами полными скрытой любви и жалости. Так смотрят на домашних собак и кошек перед их усыплением. Когда солёная слеза была уже готова сорваться с его слегка покрасневших глаз, полковник Моськин сдвинул свои густые, как у известного генсека, брови к переносице и извиняющимся тоном сообщил Виктору «принеприятное известие»:

– Ты вот что, Шилов... Завтра в десять расширенное заседание по проблемным вопросам... Сам генерал Семёнов будет проводить... Чтобы весь твой отдел до единого человека... В общем ты меня понял.

Виктор поднялся со стула и принял положение «смирно».

– Так точно товарищ полковник! – Подняв вверх подбородок и крепко прижав руки к бёдрам, он продолжил: – Всё понятно товарищ полковник!

Полканыч махнул ему рукой и скривился, будто раскусил целый лимон.

– Чего ты кричишь? Всё по-честному, как и договаривались. Я тебя две недели не трогал, и ты делал что хотел. Пришла пора отдавать душу. Вот за ней Семёнов и придет. Так что расслабься и не поднимай пену. Что заработал, то и получишь. Понял?

Виктор медленно опустился в кресло.

– Да чего уж тут не понятного? Понял, не дурак.

– А раз не дурак, то понимать должен ещё и то, что авансы просто так не раздаются и любому терпению бывает предел. Ты классный опер, Шилов, но всем, – полковник поднял указательный палец вверх, – В том числе и мне, нужен конечный продукт. То бишь – результат. А у тебя его нет.

– Но у меня есть ещё целая ночь.

Полковник как-то уж совсем тяжело вздохнул.

– Работать, Шилов, нужно днём, а спать ночью. Если не понятно я перефразирую – чтобы спать ночью, нужно работать днём. Сон, как и еда, должен быть своевременен и полон. Иначе в организме начинаются необратимые процессы нарушения обмена веществ и мозгового кровообращения. Не веришь – спроси Анну Сергеевну, она подтвердит. – Полканыча понесло на нравоучения. – А постоянные нарушения сна и вообще режима, приводят к депрессиям и как следствие, на выходе получают дегенераты, очень похожие на прапорщика Жирнова из хозчасти. Так что иди Шилов домой и выспись, как следует перед совещанием. Вот тебе мой совет.

Дверь плавно закрылась, стирая советчика с его глаз и отрезая Виктора от всего внешнего мира, расположенного по ту её сторону. Что-то тяжёлое опустилось на душу и давило на неё, мешая дышать. Видеть никого не хотелось. Хотелось лечь и умереть. Вот прямо за этим столом, чтобы на утро нашли его бездыханное тело, и всё управление вдруг зарыдало, осознав великую утрату. За окном стемнело, а ребята давно отзвонились и разошлись по домам. Как сказал бы полковник – результат сегодняшнего дня был нулевой. Кольцо вместе с убийцей легло на дно где-то в трущобах небольшого города. Зачем-то погладив столешницу ладонями рук, Виктор поднялся из-за стола и направился домой, выполнять указания своего начальника.

5

Первым делом он отключил телефон, хотя делать этого было нельзя, и принял почти холодный душ. Эта процедура несколько его взбодрила, но ненадолго. Видимо наступала коварная депрессия, от которой был один выход. Виктор достал из холодильника початую бутылку каберне и долго не раздумывая, опустошил её за два приёма. Во рту сделалось кисло и уныло. Соорудив по-быстрому бутерброд с колбасой, он включил телевизор и улёгся в постель. Дожёывая варёную колбасу с привкусом сои, он смотрел, как полковник Селин в одиночку мужественно отбивается от целой роты до зубов вооружённых бандитов. Его престарелая округлая фигурка с намёком на упругие мышцы, выделявала такие пируэты, что брала зависть и гордость за нашу доблестную полицию. Кроша в пыль из табельного «макарова» всё, что попадалось ему на пути, он своим телом прикрывал довольно симпатичную особу, то и дело кидавшую на героя удивлённые взгляды. Пока в наших рядах такие, как Селин, то простым гражданам бояться уже нечего – преступность не пройдёт! То ли под действием каберне, то ли от удачных действий самого Селина, как-то отпустило и согрело. Где-то глубоко в недрах желудка, противно урчала недопереваренная желудком соевая варёнка. От очередной умопомрачительной погони на голубом экране стало как-то укачивать и чтобы совсем не укачало, пришлось отвлечься на осточертевшие, но ставшие родными образы. Три богатыря в одеждах Иуды стояли пред ним по стойке «смирно» и ждали своего приговора. Виктор, словно Штирлиц, перекладывал с места на место их нарисованные на бумажках лица и проводил сравнительный анализ каждого, словно зачитывал им приговор суда. Первым по росту шёл Медведь. Натура сильная, но вспыльчивая по любому поводу. Узнав о своей отставке с поста любовника, вполне мог в порыве злобы за нанесённую ему обиду и унижение, запросто сломать шею хрупкой женщине. Сломать – да. Но не зарезать, как курицу. Хотя не факт. В данном случае применённый им нож, мог вполне отвести от него подозрения. Злополучное кольцо так же могло стать внешним раздражителем, и убийство могло произойти по инерции, в силу воровских привычек. Отсюда вывод – Медведь мог убить Пушкарёву. Мысленно Виктор отложил листок бумаги с физиономией Медведя вправо от себя.

Следующим был Сидор. Наглый и циничный карманник. Ему было абсолютно наплевать, у кого он резал кошелек, будь то сопливый юнец или пожилая старушка с копеечной пенсией. Жалости не было ни к кому. За личиной мнимой любви к своим родителям, которых выжил из собственного дома и отправил жить в сарай на окраине небольшой деревни, скрывалась жестокая, и расчётливая сволочь. Свои грязные помыслы он скрывал под маской вечно несчастного и убитого горем лошак. Жадный до чужих денег и неразборчивый в средствах для их получения, он мог вполне убить Пушкарёву, увидев перед глазами дорогой бриллиант. Мог, но по не писанным воровским законам, карманники никогда не носили при себе никакого оружия, кроме остро заточенной монеты и редко кого убивали за деньги – это не их профиль. Сердечные раны Сидора никогда не беспокоили и потому с большой долей уверенности можно было сказать, что предстоящая разлука с Натали – Пушкарёвой, не вызвала в нём никаких эмоций. Остаётся всё тоже кольцо. Находясь на дне постоянного безденежья, мог ли Сидор убить Натали из-за кольца? Ответ один – мог. Ещё один листок был отправлен Виктором вправо.

И, наконец, Кривой. Вор со стажем. Воровал с детства всё и везде, где только мог. Красавец-мужчина южных широт с примесью цыганской крови. Этакая термоядерная смесь горького и острого с изворотливостью змеи и морем вранья. Кривой врал всегда и всем, преследуя одну цель – всегда оставаться в стороне, подставляя других и греть на этом свои собственные карманы. Его постоянно разыскивали кинутые и разведённые им джентльмены удачи и при всех грозились открутить ему кудрявую голову. Вот и сейчас он отлёживался на цыганском

хуторе после очередного развода, понимая, что тут его никто не найдёт. Аборигены прикрывали его не бесплатно. Пользуясь его наводками и прямым участием в сбыте наркоты, цыгане неплохо зарабатывали себе бонусы, защищая своего резидента. Мог ли мужчина кавказско – цыганских кровей простить кинувшую его женщину? Не мог по определению. Такое не прощалось во все времена. Могло ли дорогое колечко соблазнить его при этом? Могло, но не очень. Потому он и сдал его Виктору, подставив ему Сидора и Медведя. А мог ли убить Кривой Натали за измену? Вполне мог. Даже очень мог. Третий лист упал на два предыдущих.

В хороводе мыслей, неожиданно мелькнул ещё один белый листок бумаги. Виктор схватился за него, как за спасительный канат. Лист был девственно чистым, потому, как лица, и имени жениха Натали никто не знал. Она умышленно, что называется, от греха подальше, скрывала его в своём сердце. Кто же ты такой, богатенький мистер икс? Откуда у тебя, мистер, такое колечко? И зачем тебе убивать женщину, которой ты его подарил в знак вечной любви? Ревность? А зачем лез тогда в это болото, если знал? Кольцо подарил, чтобы потом его зверски отнять? Бред. Но тебя мистер нужно будет установить. Думаю, что ты многое можешь рассказать и показать. Его мысли прервал бесцеремонный стук в дверь. Кого это на ночь? Вспомнил, что отключил мобильник и нехотя выполз из-под одеяла. На пороге полутёмной площадки стоял, переминаясь с ноги на ногу Кривой. Виктор опешил от такого гостя.

– Ты как узнал, где я живу и чего тебе надо?

Он скороговоркой выпалил эту тираду в лицо нежданному посетителю. Кривой начал быстро жестикулировать руками, объясняя, как нашёл квартиру и показывая всё время пальцем куда-то себе за спину. Виктор втащил его в прихожую и остановил левым хуком в туловище поток красноречия, выраженного в активной жестикуляции.

– Давай помедленнее. Тебе чего надо?

Кривой опустил руки, перевёл дыхание, и наконец, выдал на гора:

– Кольцо.

Виктор опешил.

– Что кольцо? Я тебя сейчас застрелю.

Чтобы придать ясности своим действиям, он снял, висевшую в прихожей на вешалке кобуру и вытащил из неё пистолет. Кривой продышавшись, заговорил медленно и чётко:

– Я видел кольцо, которое ты ищешь.

– Где? У кого?

– Не поверишь...

Виктор взвёл курок.

– У Медведя.

– У Медведя?

– Ну да. Он сейчас в квартире Натахи. Я случайно туда забрёл. Гляжу в окно, а там Медведь шарит по углам, а на пальце колечко её. Я же говорил тебе, что узнаю его. Вот и узнал.

Такого просто не могло быть. Если Кривой врал, то ему это было нужно. Зачем? Виктор приставил ствол пистолета к его виску.

– Если врёшь, цыганская рожа, я положу тебя прямо на месте и скажу, что ты напал на меня сзади.

Кривой замахал руками, соглашаясь с услышанным.

– Только давай быстрее, а то он уйдёт, и тогда ищи ветра в поле. Я давно хотел этого увальня вывести на чистую воду. Догадывался, что это он Натаху положил, сволочь.

Пока Кривой блистал красноречием, Виктор быстро оделся, накинул кобуру и они вместе, почти бегом, отправились брать Медведя с поличным.

Тут же у подъезда стояла припаркованная «девятка» Кривого. Это было весьма кстати, потому как путь до места проживания Натали был не близким. Кривой резко стартанул с места и погнал свою «девятку» на предельной скорости к дому номер 60 по улице Чехова. Уже через

какие-то пятнадцать минут они остановились у северного крыла дома. Кривой пальцем указал на окна первого этажа, в которых горел свет.

– Вон, смотри. – Мелькнувшая за занавесками тень, обрадовала Виктора, как Новогодний подарок. – Мы успели. Он ещё там.

Стараясь не шуметь, он выбрался из салона машины и кинулся к подъезду. Краем глаза заметил, что Кривой метнулся следом за ним, пригибаясь к земле, словно уходил от свистящих вокруг него пуль. На счастье квартирная дверь была не заперта. Медленно её отворив, Виктор тихо пробрался в прихожую. Так же тихо извлёк из кобуры «макаров» и прислушался. Со стороны кухни раздавались какие-то приглушённые звуки. По всей видимости, Медведь был занят каким-то делом и не обращал внимания на то, что находилось вне поля его зрения. Виктор так же тихо прокрался мимо ванной и туалетом к кухонному проёму. Прямо на пороге без признаков жизни, лежало окровавленное тело Натали. Сделав глубокий вдох и такой же выдох, оперативник ворвался в кухню, выставив перед собой пистолет.

– Стоять на месте! – Его громкий выкрик, казалось, поднимет на ноги весь дом, – Руки за голову!

Перед ним, как ни в чём не бывало, перед кухонной мойкой стоял на коленях Медведь и производил какие-то манипуляции с моечным сифоном. Самое интересное было то, что Медведь совершенно его не слышал. Он откручивал крупные пластиковые гайки на трубах и что-то бормотал про себя. Виктор хотел было повторить свою команду, но Медведь повернулся к нему лицом сам и посмотрел в его сторону так, как смотрят через стекло. Мало того, что он его не слышал, он даже не видел человека прямо перед собой с наведённым на него «макаровым»! Как ни в чём не бывало, Медведь, наконец-таки, открутил пару гаек и отложил их в сторону. На секунду блеснуло у него на мизинце заветное колечко Натали. Виктор замер в ожидании, что же он будет делать дальше, и опустил пистолет. Надобности в нём пока не было. Первое, что пришло на ум – Медведь после убийства решил починить сливной сифон. Рукастый нынче уголовник пошёл. Но то, что он увидел потом, заставило его поменять мнение об убийце-сантехнике. Медведь непонятно откуда вытащил узкую финку с окровавленным лезвием и вложил в одно из колен сливной трубы. Он даже не стал смывать с неё кровь, предполагая, что спущенная в раковину кем-то вода, всё смоеет сама. Закручивая назад гайки, Медведь опять оглянулся назад и улыбнулся прямо Виктору в лицо. Тому показалось, что он даже ему подмигнул. Совсем обнаглел, гад. Виктор опять вскинул «макаров» и громко выкрикнул:

– Руки вверх! Полиция!

Его выкрик потонул в бетоне многоэтажки, производя действие слабого ветерка в безлунную ночь. Кто-то сзади тихонько хихикнул и Виктор тут же обернулся. В двух шагах от него стоял Кривой и чему-то улыбался.

– Он тебя не слышит и не видит. Ты спишь, Шилов.

Виктор с тихим стоном опять опустил пистолет. А ведь прав Кривой. Это всего лишь сон. Призрачный Медведь, крутил призрачные гайки и что-то мурлыкал себе под нос. За спиной стоял такой же призрачный Кривой и хихикал, издеваясь над опером, вымещая над ним свою воровскую злобу. Всё было правильно, хотя что-то во всём этом было не так. Откуда-то из глубины его сознания поднималась волна протеста. Оглянувшись назад, Виктор внимательно присмотрелся к скалившему свиное рыло Кривому. Крупные жёлтые зубы Кривого ему явно кого-то напоминали. Пытливое сознание само дорисовало Кривому рога, хвост и копыта. Вот теперь его сомнения превратились в стойкую уверенность. Перед ним в образе Кривого стоял сам Хранитель снов! Так вот оно что! Молниеносно проанализировав ситуацию, Виктор понял, что сам Хранитель в образе Кривого решил указать ему на убийцу и показать, где спрятана главная улика убийства Пушкарёвой. Оставалось понять, зачем он это делает. Было так же не понятно, почему в руках чёрта не было бело платка. Не обращая уже никакого внимания

на Медведя, Виктор всем телом повернулся к Кривому – Хранителю. Тот по-прежнему скалил в усмешке свои жёлтые клыки и уже не скрывал от него своей сущности.

– Что, догадался, кто перед тобой?

Виктор проглотил, подступивший к горлу ком сковавшего его страха и кивнул в ответ головой.

– Зачем тебе это надо?

Кривой – Хранитель пожал плечами.

– Ты ведь хотел знать, кто убил Натали? Я тебе его и показал. Ты был так настойчив, что я не удержался. Считаю это моей блажью.

Виктор осмотрелся по сторонам. Внутреннее чутьё кричало во все его уши, что тут что-то не так. Всё не так! Так не должно было быть по определению! Где-то внутри его сознания медленно стал формироваться ответ на его вопрос. Зачем это ему надо? Полного ответа ещё не было, но Виктор, сузив глаза, всмотрелся в ухмыляющуюся рожу. Хранитель перестал кривляться и замер на месте. Было похоже, что он стал догадываться о том, что Виктор разгадал его манёвр. Медленно его правая рука опустилась куда-то за спину, и тут же в этой руке появился долгожданный белый платок.

– Что начальник, – голосом Кривого проговорил Хранитель, – догадался, наконец, что здесь происходит? А ты не так глуп Шилов, как мне казалось. Ну что ж делать теперь? Не получилось у меня обвести тебя вокруг пальца, но ты особо не расстраивайся. Завтра утром ты всё равно это забудешь. Извини, конечно, но таков удел всех страждущих какой-либо информации. Не всякому это дано.

Виктор хаотически соображал, что ему нужно делать в такой ситуации, но выхода не видел. Ведь сейчас этот урод взмахнёт своей белой тряпкой и всё коту под хвост. Кроме головной боли утром, у него в памяти ничего не останется. Память, память. Наверное, это самое дорогое, что есть у человека. Что-то забыл – значит пропал. Нельзя забывать ничего – иначе смерть. словно перед своей кончиной, он увидел лицо Анечки. Та что-то ему пыталась сказать, но он её не слышал. Как жаль. Кто-то сторонний пытаясь ему помочь, притягивал его внимание к её образу. И тут он вспомнил. Вспомнил её слова: «Чтобы отвлечь Хранителя – задавай ему вопросы». Невесть какая подсказка, но делать ведь что-то нужно. Не задумываясь особенно над смыслом, Виктор выпалил в рыло Хранителю, первое, что пришло на ум:

– Без окон и дверей – полна горница людей. Отгадай, что это такое?

К его удивлению, Хранитель опустил вниз свой платок, и на его лице появилось удивление. Это удивление быстро сменилось активной мозговой деятельностью, выраженной в многочисленных рылогубных складках. Он думал. Теперь настал черёд действовать самого Виктора, так как внимание Хранителя было отвлечено. Если бы чуть позже спросить у него, зачем он это сделал, то Виктор вряд ли ответил на этот вопрос. Его сознание захватил в данный момент кто-то другой и действовал так, как считал нужным. Виктор быстро поднял «макаров» и дважды выстрелил в грудь Хранителя. Тот покачнувшись, но устоял на ногах и удивлённо взглянул на Шилова. Мелькнула где-то глубоко мысль о серебряных пулях, но сейчас было не до них. Хранитель достаточно быстро пришёл в себя и оскалив свиную пасть, сделал шаг вперёд к Виктору, одновременно поднимая вверх руку с зажатым в ней платком. Дальше работали только инстинкты. Крутанувшись на одной ноге на 360 градусов, Виктор провёл великолепный маваша гири прямо в пятак разъярённому Хранителю. Тот не удержавшись на узких копытах, рухнул на пол, перегораживая своим шерстяным телом дверной проём, ведущий к спасительной входной двери. Затем запрыгнув на кухонный стол, Виктор, со словами: «врётся – не возмётся!», оттолкнулся обеими ногами от столешницы и влетел всем телом в стекло широкого окна. Мелкие и крупные осколки тут же впились ему в руки и голову. Через секунду, успев сгруппироваться в воздухе, он приземлился на тротуар, больно ударившись спиной об асфальт.

– А, что б тебя...

Оставаясь в позе зародыша, Виктор мысленно ощупал своё тело с ног до головы. Слегка саднил ушибленный бок. Ковёр на полу смягчил его падение с кровати и уберёг зажатую руками голову от удара. Медленно приходя в себя, он уселся на полу, поглаживая ушибленное место.

– Да что же это такое? Второй раз подряд.

Память так же медленно возвращалась к нему, вырисовывая детали его ночного похождения. Сидящий у мойки на полу Медведь, финка, отправленная в сточную трубу слива, Кривой – Хранитель. Виктор улыбнулся в темноте сам себе и поднялся на ноги. Тут же включил верхний свет и посмотрел на часы. Четыре утра. Самое время. Включив мобильник. Набрал номер Сорокина.

– Слушаю.

Голос Сорокина был совсем не приветливым. Да оно и понятно. Кто в четыре утра будет отвечать радостно и бодро?

– Просыпайся, Сорокин. Пришло время работать.

– Ты с ума сошёл, Шилов? Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? До начала работы ещё целых три часа.

– Не скули и вставай. Потом доспишь.

– Да что случилось то?

– В общем так. Заезжай на своей машине ко мне. Объясню всё по дороге.

Услышав в трубке протяжный стон Сорокина, он отключил телефон и начал одеваться. За время, пока Сорокин добирался до его дома, Виктор успел привести себя в порядок и выпить чашку крепкого кофе. День предстоял быть суматошным.

Уже в мчащейся к улице Чехова машине Сорокина, он вдруг сказал:

– Я знаю, кто убил Пушкарёву.

Сорокин не отрывая глаз от дороги, тут же спросил:

– Это тебе только что приснилось?

– Ну да.

Капитан медленно повернулся к нему всем телом.

– Может тебе и впрямь лучше на время перейти в ППЭСники? Отдохнёшь, поправишься? Покоя от тебя никому нет, Шилов. Загонял ты весь отдел своими видениями. Это я тебе, как друг говорю.

Виктор улыбнулся в ответ, и соглашаясь с Сорокиным, кивнул головой.

– Непременно так и сделаю. Вот только Кривого задержим и на покой.

– Почему Кривого? У тебя что-то есть на него?

– Скоро будет. Эта цыганская сволочь вдоволь с меня кровушки попила.

Машина резко затормозила у подъезда.

– Я в квартиру, а ты притащи мне двух понятых.

– Да где я тебе их сейчас возьму? – Сорокин с силой ударил ладонями рук по баранке руля. – Начало пятого! Все ещё спят!

Виктор, понимая своего друга, в ответ ласково улыбнулся. Хорошее настроение постепенно возвращалось к нему, вызывая азарт охотника. В глазах навстречу поднимающемуся в организме адреналину, вспыхнула искорка страсти и зарождающейся бешеной энергии.

– Не ломай машину. Нам на ней ещё целый день кататься.

– А бензин?

– Какой же ты мелочный. Полканыч оплатит с причитающейся премии. Ты мне лучше скажи вот что – когда вы делали обыск у Пушкарёвой, вы воду, случайно в кухне не открывали?

Сорокин на секунду задумался и пожал плечами.

– Вроде бы нет. А что?

Захлопнув дверцу машины, Виктор не спеша направился к железной двери подъезда. Можно было уже не спешить. Всё и все находились на своих местах. Нужно было только протянуть руку и аккуратно извлечь всё это наружу.

Дождавшись в квартире сонных и недовольных свидетелей, Виктор извиняющимся тоном изложил им суть дела. Соседи кивали головами с явно одним желанием, чтобы всё это как можно скорей закончилось. Наклонившись над мойкой в кухне, он быстро открутил пластиковые гайки и разобрал сифон на составляющие части. Когда он перевернул одно из трубчатых колен, то из него выпала узкая финка, с перепачканным кровью лезвием.

– Что и требовалось доказать.

Сорокин вместе с отошедшими от сна соседями тараторил на нож выпуклыми от удивления глазами.

– Ну ты Шилов даёшь. – Капитан первым пришёл в себя и стал доставать из прозрачной пластиковой папки чистые листы бумаги. – Мне бы такое и в голову не пришло.

– Не отвлекайся и пиши протокол изъятия. Он надеялся, что кто-то откроет воду, и она за него смоем все следы крови с отпечатками, но прогадал. Наше счастье, что никто из наших не надумал вымыть руки в этой мойке.

Сорокин строчил от руки протокол изъятия, а соседи всё продолжали рассматривать запачканную в крови финку, покоящуюся в целлофановом пакете.

Обратная дорога до управления не заняла много времени. По пути Виктор попросил Сорокина остановиться у круглосуточного магазина. Из него он вышел, сжимая в руке бутылку армянского коньяка.

– Утро выдалось неплохое.

Сорокин потёр ладони рук в предвкушении употребления волшебного напитка.

– Даже не надейся! – Виктор захлопнул дверцу машины и спрятал бутылку под полый пиджак. – С утра пьют – сам знаешь кто.

– Добрый ты Шилов.

– Чем могу. Давай гони в управу. Надеюсь, что успеем застать Саркисыча ещё там.

Заспанное лицо дежурного эксперта Полояна Армена Саркисовича ничего хорошего не предвещало до тех пор, пока перед его взором не появилась бутылка армянского коньяка. Лицо эксперта сразу же стало меняться на глазах.

– Мне это снится, Шилов?

– Если будет разговор, то нет.

– Тогда проходи, искуситель хренов. Мне до конца смены час остался.

– Успеем.

Саркисыч удивлённо посмотрел на взведённого Виктора.

– Кто это тебя с самого утра так накрутил?

Тот отмахнулся рукой как от пустого, и словно фокусник достал из нагрудного кармана пакет с окровавленной финкой. Саркисыч тихо застонал.

– Ты что уже кого-то убил с утра?

– Хорош каламбуришь. Мне срочно нужны пальцы с этого ножика. Хорошо бы сразу взять и кровь на анализ.

– Я за час не успею! – Саркисыч было возмутился, но кинув взгляд на бутылку любимого коньяка, несколько присмирел. – Только без справки.

– Само собой. Всё остальное потом оформишь.

Саркисыч ещё раз тяжело вздохнул, взял пакет с ножом двумя пальцами и поднёс его к своим глазам.

– Интересный ножичек. А ты иди Шилов, иди. Мне ты уже не нужен.

Виктор вышел в коридор, где его ждал Сорокин.

– Ну, что?

– А вот, что. – Виктор положил свою руку на плечо Сорокина. – Возьми дежурную группу и дуй вместе с ними на Шубников хутор.

– Это к цыганам?

– К ним, родимым. Переверни там всё вверх дном, но отыщи Кривого. Потом приведёшь его в наш кабинет. Я там буду ждать.

– Не пойму я, откуда у тебя такая уверенность, что убийство совершил Кривой? Ведь у тебя на него ничего нет.

– Скоро будет. Иди, не томи душу.

Качнув головой напоследок, тем самым подвергая сомнению такую уверенность, Сорокин направился выполнять данное ему распоряжение. На ходу он неожиданно остановился и повернулся к Виктору.

– А ты сам не желаешь принять участие в его задержании?

– Нет. Устал я за ним бегать. Надоел он мне.

Отмеряя неторопливые шаги по пустынным коридорам управления, Виктор направился в свой кабинет. Вот и всё. Уже очень скоро Саркисыч подтвердит его догадки, и дело по убийству Пушкарёвой можно будет считать закрытым. С каждым шагом он чувствовал, как наваливается на него, непонятно откуда взявшаяся, смертельная усталость. Эти две последние недели вымотали его до предела. Ужасно хотелось спать. Спать и не видеть никаких снов. Как счастливы те, кто не видит снов. Они этого не понимают, но он-то теперь знает, насколько сны могут быть коварны и опасны. Только вот говорить на эту тему как-то не принято. Многие начинают смотреть на тебя, как на умалишённого. Многие, но не все. Виктор улыбнулся. Если бы не Анечка, ничего бы у него не вышло. Вот она как раз понимает его. С ней просто и легко. Просто доверять ей самое сокровенное и легко потом обсуждать то, что находится за гранью реального. Хотя она на то и штатный психолог. Это её работа. Что-то внутри неприятно перевернулось и начало противно покалывать в область сердца. Ну, конечно. Как он сразу не понял. Это её работа. Она сделала своё дело и теперь опять будет с ним на «вы». Такова жизнь и ничего с этим не поделаешь.

В кабинете было неуютно и тихо как в склепе. Впервые за много лет он это почувствовал. На фоне усталости появилась апатия ко всем и всему окружающему. Виктор откинулся на спинку расшатанного стула и прикрыл глаза. Казалось, прошла секунда, когда резкий свет ударил в глаза.

– Шилов, ты чего в потёмках сидишь?

Толик Власов, хлопнув дверью, ворвался в кабинет, как холодный осенний ветер. Виктор открыл глаза и тут же взглянул на часы. Было ровно семь утра! С тех пор, как он прикрыл глаза, прошло больше часа! Неужели Хранитель смиростивился над ним и дал ему короткое время для отдыха? Невероятно! По старым половым доскам коридора управления уже стучали каблучки и слышались многочисленные голоса. Через минуту в кабинете нарисовались все сотрудники его отдела. Все, кроме Сорокина. Володя Григорьев тут же это заметил.

– Что-то сегодня Сорокин запаздывает. На моём веку такого ещё не было.

– Сорокин вам подарок готовил всю ночь. – Виктор сообщил приятную новость своим операм. – Скоро доставит.

При слове подарок, все напряглись и посмотрели на начальника недоверчивыми глазами. Подарки тут раздавались не часто.

– Это что ж за подарок с самого утра?

Самый молодой и нетерпеливый Вадик Пирогов уже мысленно потирал руки в предвкушении большого масляного торта. Сказано, что фамилии сами по себе не присваивают. Они прилипают словно клочки годами. А то и веками, передаваясь с генами от далёких предков.

– Тебе кроме пирожных и тортов, воображение больше ничего не рисует?

Толик Власов, зная натуру и пристрастия лейтенанта, тут же его осадил. – Всем и так понятно, что Сорокин в хозчасти новый монитор выбил для всего отдела. А тебе лишь бы рот набить.

Как ни странно, но он начал отсоединять кабели от старого, готовясь подсоединить к ним новый плоский монитор. Виктор с улыбкой на лице, наблюдал за ребятами и радовался их непосредственности и простоте. Звёзд с неба не хватают, а живут просто, довольствуясь тем, что имеют. Возможно, с годами это пройдёт, но он вспоминал себя лет десять – пятнадцать назад и видел себя таким же, как и они. Золотое время было... Его воспоминания, прервала резко распахнувшаяся дверь. На пороге возникла фигура Кривого с наручниками на запястьях.

– Вот так подарок.

Вадик вздохнул и мысленно помахал рукой, растаявшему в воздухе торту. «Подарок» от полученного толчка в спину, влетел в кабинет и упёрся животом в стол Виктора. Следом за ним вошёл Сорокин.

– Еле поймали. Ещё не много и ушёл бы гад.

Кривой крутил головой и часто моргал глазами, показывая своё не понимание происходящему.

– За что, начальник? – Он остановил свой бегающий взгляд на Викторе. – Я же всё тебе рассказал про кольцо. Я всё сказал, что знал. За что?

Виктор спокойно смотрел в его наглые бегающие глазки, и праведный гнев закипал у него внутри, выбрасывая горячий пар через жёсткие колючие глаза.

– За что, говоришь? За убийство Пушкарёвой! Ты арестован, Кривой, если ты этого ещё не понял.

Словно гром с ясного неба у него на столе зазвонил телефон. Виктор поднял трубку, и какое-то время слушал говорящего на том конце провода. Когда его речь закончилась, Виктор ответил:

– Спасибо, Саркисыч. Спасибо, дорогой.

С этими словами он аккуратно положил трубку на место и пристально посмотрел на Кривого.

– Ну, что оборотень, помогли тебе твои цыганские колдуны? Это тебе урок на всю жизнь. Не лезь туда, откуда не отпускают.

В отделе стояла тишина, словно он был пуст, и кроме Виктора и Кривого в нём никого не было. Все, пока ещё ничего не понимая, затаив дыхание слушали своего начальника.

– Хотел подставить мне Медведя? Не вышло! Я твою натуру давно просчитал и только благодаря этому понял тогда, кто передо мной. Ты сам мне и помог себя поймать. То, что ты душу чужому отдал, за то с тебя чуть погода бог спросит, а вот за то, что женщину убил, спросят уже очень скоро. Дурак ты Кривой. А дуракам путь один – тюрьма.

Кривой смотрел себе под ноги, не смея перечить Виктору, но пытаясь выкрутиться и проскочить скользким угрём меж пальцев.

– На понт берёшь, начальник! Нет у тебя ничего! Нет, и не будет!

Он попытался даже хрипло рассмеяться, но Виктор ударил ладонью по столу, прерывая его преждевременную агонию.

– Ты мне сам показал, куда спрятал финку. На твою беду и бестолковость, водой никто в кухне не пользовался, так что пальчики твои и кровь Натали на ней, будут твоим приговором.

После его слов, Кривой как-то обмяк, а глаза перестали бегать, найдя точку опоры на поношенных туфлях хозяина. Выдавив из себя ни то стон, ни то крик, Кривой тихо произнёс:

– Твоя взяла, начальник. Не думал, что ты спец у них. – Кривой показал пальцем в потолок. – Иначе тебе меня никогда не взять было. Недооценил я тебя.

– И твои колдуны тоже. При случае передай им, что вычищу всю грязь и там. – Теперь Виктор указал пальцем на потолок. – Пусть начинают сжигать свои шаманские бубны и прочую колдовскую атрибутику.

– Сам им скажешь. Меня они не поймут.

– Колечко им оставил?

Кривой кивнул головой.

– Цыгане. Что с них возьмёшь?

Виктор усмехнулся, махнув рукой, и тут же обратился к Григорьеву:

– Володя, уведи этого урода. Глаза б мои его не видели. И освободи Сидора. Он нам уже не нужен. Пусть к родителям своим едет.

Когда входная дверь закрылась за спиной Григорьева, Толик Власов тут же спросил:

– А что это ты всё в потолок пальцем показывал? И причём тут колдуны?

Виктор устало выдохнул воздух и посмотрел в окно.

– Да в общем-то ни при чём. Это я так, для устрашения.

– Ааа... – Сказал Толик и кивнул головой. – Если так, тогда всё понятно.

– А если всё понятно, тогда сообщаю, что сегодня ровно в 10 ноль-ноль, нас ждёт у себя Полканых в присутствии генерала Семёнова. Готовьте бумаги сыскари. Время пока есть.

Он поднялся из-за стола и вышел в коридор. Смотреть в растерянные глаза своих сотрудников он уже не мог и решил просто пройтись по коридору и мысленно подвести итог всему произошедшему. Стройной картины анализа так и не получилось, но ноги сами по себе вынесли его к кабинету Анны Сергеевны. Интересно, подумал он, это совпадение или... Он стоял напротив двери, не решаясь открыть её. В голове был один вопрос – как она поведёт себя, когда узнает о задержании Кривого? Дверь неожиданно открылась сама и заволашевающий голос морской сирены изнутри кабинета, произнёс:

– Если ты сейчас не войдёшь, то потеряешь то, что так долго искал.

Виктор, словно зомби вошёл в полутёмный кабинет и прикрыл за собой дверь.

– Мне, кажется, что я нашёл, то, что искал и не в моих правилах это терять.

В ответ раздался звонкий девичий смех и тут же зажёгся яркий свет.

– Ну что, ловец снов, поймал, наконец, то, что хотел?

– Откуда ты...

Анечка перебила его, приблизившись к нему вплотную, и обдав знакомым запахом.

– А ты ещё не понял кто я? – Она опять звонко рассмеялась. – Шилов, Шилов. Какой же ты всё-таки дремучий.

У Виктора пересохла губы, а по рукам прошла противная мелкая дрожь. Анечка стояла рядом с ним, в своём тесном кабинете и слегка касалась его рукой, как бы предлагая ему самому продолжить последующее действие. Виктор, облизав свои сухие губы, закрыл глаза и выставив вперёд руки, нежно привлёк девушку к себе. С радостью отметил, что она не сопротивляется и решил тут же закрепить своё успех. Он открыл глаза и робко поцеловал её в губы. Анечка слегка отстранилась от него и улыбнулась.

– Шилов, мы на работе.

– Мы всю жизнь на работе.

Он попытался опять привлечь её к себе, но она ускользнула от него, высвободившись из его объятий.

– Не спеши. Теперь уже спешить не нужно. Все и всё давно на своих местах и стоит лишь протянуть руку, что бы открыть прозрачную вуаль и убедиться в том, что стол с накрытым на нём восхитительным ужином ждёт тебя. А очаровательная хозяйка, предвкушающая сладость непредсказуемой ночи, в твоём полном распоряжении.

Капкан для Хозяина

1

Когда Игорь вошёл в небольшой председательский кабинет с низкими потолками, то первое, что ему бросилось в глаза – было то, что этот кабинет был совершенно не обременён никакой мебелью. То есть мебель была, но в виде одного массивного стола и нескольких старых с истрёпанной обивкой стульев. На окрашенных голубой краской стенах висели какие-то графики, таблицы и на целый лист ватмана поздравление с юбилеем. Если учесть, что на дворе стоял восемьдесят первый год, а вид ватмана был схож с видом древнего папируса, то председателю сельского совета, в честь которого и было нарисовано это поздравление, впору было готовиться к очередному круглому торжеству. Сам председатель Баринев Иван Иванович, сидел за этим столом, нависая над ним грозовой тучей и что-то пыхтя, быстро писал на тетрадных листах. Его внушительных размеров фигуру Игорь полностью разглядел лишь тогда, когда тот, наконец, заметив вошедшего в кабинет гостя, резво поднялся со стула с растёкшейся по всему лицу улыбкой и распахнул свои объятия. Разведённые в стороны руки почти касались противоположных стен, а крупная голова за малым не упиралась в потолок. Широкая председательская грудь была одного размера с выпирающим вперёд животом. Этакий огромный шар на коротеньких ножках сделал шаг ему навстречу, а Игорь стоял, словно приклеенный к полу, не зная как себя вести в подобном случае. Стало понятно, почему в кабинете нет мебели. Если её расставить вдоль стен, то хозяину будет затруднительно проявлять своё радушие в виде разведённых в стороны рук. Иван Иванович в два шага оказался перед долгожданным посетителем, и в виде приветствия, положил свои руки ему на плечи.

– Ну, здравствуй, здравствуй дорогой Игорь Николаевич. – Он потряс этими руками гостя за плечи, от чего тот синхронно закивал головой в такт тряске. – Заждались мы тебя. Вот люди обрадуются, когда узнают, что к ним в деревню врач приехал. Это знаешь ли целое событие. Я разнарядку уж который год подаю в исполком, а толку никакого. Людей лечить некому. Этой зимой полдеревни от гриппа слегло. Страху натерпелись, когда и детвора хворать начала. Местный ветеринар Прокопыч, тогда только руками разводил. Оно и понятно. Свиной да коров он лечит справно, а вот людей получается у него не очень. Прежний врач сбежал от нас через полгода, а нового никак не давали. Говорили мне, что старого беречь было нужно. Вот так и живём. Ежели, кто на одном краю чихнёт, то на другом тут же откликаются.

Когда мощные, как стволы деревьев руки выпустили Игоря из богатырских объятий, тот вздохнул с облегчением, хотя хиляком себя не считал.

– Здравствуйте Иван Иванович. Я сразу с электрички прямо к вам. Понимаю, что не до балов сейчас, но из песни слов, как говориться, не выкинешь.

Иван Иванович тут же насторожился, услышав про балы, но компенсируя свою безграмотность природной интуицией, понял, что страшного тут ничего нет и кивнул головой, соглашаясь с дорогим гостем.

– Вот и правильно. Вот и хорошо. Мы сейчас прокатимся по нашей деревне на моём транспорте, и я покажу тебе дорогой Игорь Николаевич все наши достопримечательности. Потом я отвезу тебя к твоему дому, где ты будешь жить поживать, да добра наживать.

Он сам посмеялся над своей присказкой и направился к входной двери. На полпути остановился и всем своим огромным телом повернулся опять к Игорю.

– А скажи-ка мне Игорь Николаевич – ты женат, аль как? – Он хитро прищурился, словно прицеливался, – А то у нас девахи есть на выданье – городским до них далеко. Ты присмотришь

пока. А ежели что, то я сам сватать тебя пойду. Мне тут никто не откажет. Тут можешь быть спокоен.

Игорь, понимая, куда клонит председатель, тут же возразил.

– Спасибо, конечно, но я женат. – Игорь демонстративно показал ему кольцо на правой руке. – Жена пока в городе, но когда я тут устроюсь, она сразу же подъедет.

Иван Иванович слегка огорчился такому повороту, но вида не показал. Жаль, конечно, но привязать к деревне доктора было бы совсем не лишним.

– Вон оно как. Вот и хорошо. Места всем хватит. Дом большой и просторный. – Последнюю фразу он проговорил, когда уже вышел за дверь. – Уживётесь, надеюсь. Зато места у нас – во всей округе таких мест не сыскать.

На небольшой деревенской площади, куда они вышли из сельсовета, не было ни одной живой души. Оно и понятно. Начало октября – самое время для уборки урожая на своих огородах. Люди трудились, собирая с обширных огородов овощи и приводя в порядок усталую за сезон землю. В садах снимались поздние яблоки и груши. На широких лугах косилась ещё сочная трава и укладывалась в большие стога для домашнего скота. Лето в этом году затянулось, давая возможность неспешно приводить своё хозяйство в порядок, заготавливая на зиму корма.

Одинокая на всю площадь монументальная фигура вождя партии, в лице дедушки Ленина, возвышалась над площадью, прикрывая собой небольшую с облупившейся штукатуркой, церквушку на возвышенности. Ржавая крыша, покосившаяся ограда и весь её внешний вид говорил о том, что эта церквушка сохранилась, как память народному зодчеству. Но если приглядеться внимательней, то можно было заметить, что пустые глазницы окон аккуратно застеклены, а входная дверь покрашена совсем недавно. Узкие дощатые ступени, поднимающиеся к неухоженному храму, были вытоптаны многочисленными сапогами и ботами, а перила отшлифованы до блеска сотнями рук. Паства, хоть какая, но в деревеньке имелась, на что местная власть прикрывала всевидящие глаза. В альтернативу православной вере прихожан, напротив здания сельсовета, был возведён вполне современный дом культуры. На покосившейся афише, притороченной к стене центра культуры, от руки был написан анонс фильмов на целую неделю с припиской об обязательных молодёжных вечерах в виде танцев по субботам. В воскресные дни всё местное население ожидали лекции о международном положении СССР и выступления артистов оригинального жанра из числа самих жителей всё того же населения, от части занимающегося в разнообразных местных студиях и кружках. Всё это наводило Игоря на мысль, что в захолустной деревеньке под названием «Лотошники», живут люди, не чужающиеся религии, политики и искусства. Подтверждением этого и была сама деревенская площадь – этакий симбиоз всех жизненных устоев местных аборигенов. В общем, обычные люди, составляющие больше половины населения всего огромного Советского Союза. Когда речь зашла о назначении Игоря после интернатуры в эту деревеньку, утешительными его словами своей жене Наташе, были слова о том, что везде люди живут, и было бы гораздо хуже, если бы он получил направление работать на необитаемый остров. Слова его особого действия не возымели, но и выбора особого у него не было. Взгрустнув на дорожку, они посидели у порога родительского дома и, поклявшись друг другу в вечной любви, расстались всего на несколько дней. Лотошники находились в сорока минутах езды от города на электричке, что вселяло определённый оптимизм в то, что на краю цивилизации они всё-таки не окажутся. Неясным оставался лишь вопрос о жилье. Кто-то из друзей Игоря по большому секрету сказал, что в таких деревеньках как раз с жильём проблем не бывает и уверил его, что жить он будет в особняке, нечета городским типовым домишкам. Это радовало, но сомнения всё же оставались. Самым приятным для Игоря в Лотошниках явилось то, что сама деревня в две с половиной улицы, располагалась на правом берегу широкого Лимана. Рыбалка, купания, да и просто времяпре-

провождение у воды, дорогого стоили. В жаркое лето нет ничего приятнее, чем понежиться в прохладной воде и позагорать на жёлтом илистом песке.

Его размышления о прелестях деревенской жизни прервал низкий голос председателя:

– Что впечатляет? У нас всё как у людей. – Этот голос не был лишён самодовольства и показухи. – Хочешь тебе – кино. Хочешь – концерты и танцы. Летом путёвки в санатории и курорты. Живи – не хочу. Хотя о главном забывать не даём. Главное – это то, чтобы люди не забывали, ради чего это всё строится и делается.

Игорь не удержался, чтобы не спросить:

– И ради чего?

Иван Иванович с серьёзным видом тут же ответил:

– Ради самих людей. Ради торжества коммунизма.

Хотелось верить, что он говорит искренне. Таких людей, как председатель, безоговорочно верящих в конечный пункт назначения социализма, осталось немного. Вместе с постепенным исчезновением продуктов и товаров повседневного спроса с прилавков магазинов, яркая картина безоблачной счастливой жизни в коммунизме, быстро покрывалась плесенью, оставляя на душе лишь разочарование и ощущение некой глобальной аферы, которую над тобой проделали. Что теперь делать и куда податься никто не знал. Наступало смутное и тревожное время. А вот Иван Иванович знал, куда идти и вёл людей за собой, как в последний и решительный. За ним хотелось идти только потому, что идти всё же куда-то нужно. Остаться на месте, означало неминуемую гибель.

Он смерил Игоря сверху вниз и обратно удивлённым взглядом и указал на белую председательскую «волгу».

– А вот и мой транспорт. Можно, конечно, и пешком пройти, но для важности дела, без транспорта нам никак не обойтись.

Втиснув своё огромное тело в достаточно широкий дверной проём машины, Ивану Ивановичу понадобилось какое-то время, чтобы отдышаться после такого гимнастического трюка.

– Уф. Холера ему в глотку. – Он выпустил воздух из лёгких, как выпускает пар паровоз и почему-то перешёл на местный диалект. – Хиба ж в таку узину справный мужик пролизе? Казав же им, что мини автобус треба, так ведь не не разумеють бисовы диты.

Кому им, он не уточнил и запустив двигатель, тронул машину с места.

– Сейчас я тебе подарок сделаю. Как раз к твоему приезду почти закончили.

Иван Иванович говорил загадками, но само слово подарок приятно ложилось на душу, будоража воображение. Всю деревню проехали за пять минут из одного конца, в другой. Председатель ехал нарочито медленно, чтобы лишний раз показать свою значимость и при возможности прямо из машины перекинуться парой слов со встречающимися по дороге местными жителями. Машина остановилась у одноэтажного кирпичного здания, похожего на длинный барак или ангар.

– Вот! – Иван Иванович вытащил своё тело из машины и указал на это здание рукой. – Вот наша гордость Игорь Николаевич. Первая деревенская больница!

Он сказал это с такой гордостью, что Игорь стал понимать насколько трудно, а порой невозможно в таких деревеньках что-то выкроить для людей. Что-то построить или просто купить. Иван Иванович мог, потому и был на протяжении многих лет у руля своего маленького княжества. Игорь осматривал недавно построенное здание, ещё без официальной мраморной таблички, пахнущее свежим раствором и древесиной. Он ещё не понимал радоваться ему или огорчаться. Надолго тут задерживаться он не планировал и заранее не хотел в этом разочаровывать председателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.